

## Кабалинскій магалъ.

Вся почти восточная половина Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи, длиною около 80 верстъ и шириною до 40 верстъ (320 кв. верстъ), имѣющая естественными границами съ востока рѣку Геокъ-чай (синія рѣка), съ запада—Варташинъ-кирхъ-булагъ (сорокъ ключей ворташинскихъ), съ сѣвера—Кавказскій главный хребетъ, а съ юга—горную цѣпь Кендѣ-лѣнь-дагъ, и протянувшаяся почти параллельно съ сѣвѣрою ея границей, издревле носитъ названіе Кабала-магали (Кабалинская область), или просто Кабала. Вся область, вѣроятно, получила это названіе отъ бывшаго здѣсь нѣкогда города съ громадною крѣпостью, имѣвшаго то же названіе\*). Низменная полоса эта, по своему географическому положенію, начинается съ Кахетіи и продолжается до Каспійскаго моря, сохраняя вездѣ съ сѣвера и юга естественныя свои границы. Общее названіе этой долины—Ахаръ-бахаръ, но по частямъ она носитъ разныя названія.

На самомъ западѣ она извѣстна у татаръ подъ названіемъ Кюрджистанъ (Грузія), далѣе Гюрюстанъ, или Гявурстанъ (земля гявуровъ), затѣмъ Дашъ-узъ (каменистая поверхность), за нимъ Кабала и т. д. Хребетъ, или горная цѣпь Кендѣ-лѣнь-дагъ не высокъ и не покрытъ лѣсомъ; на немъ кое-гдѣ растетъ мелкій кустарникъ. Этотъ хребетъ имѣетъ

---

\*) У Плинія упоминается въ царствѣ Албаніи городъ Кабалака, а у въ Клавдія Птолемея—Хабала (Χαβζλα) (Ганъ, Извѣстія др. греч. и рим. писателей о Кавказѣ въ Сбор. мат., вып. IV стр. 107, 170). Кабала упоминается также араб. писателями Ал-Истахріемъ (Сбор. мат., вып. XXXI, отд. I стр. 17) и Ибн-ал-Факихомъ (Сбор. мат. вып. XXXI отд. I стр. 13, 15 и 29).



проходы на южныя низменности, служащія ложбинами ряда рѣчекъ, берущихъ свое начало преимущественно въ ущельяхъ Главнаго хребта и впадающихъ въ Куру. Къ востоку на одномъ изъ этихъ проходовъ, по теченію рѣки Тюръ-янъ-чай, сохранились слѣды древнихъ достопримѣчательностей, старыхъ кладбищъ—Хазра-кабирстанлыкъ и кургановъ, о которыхъ въ народѣ осталось много повѣрій.

По южному склону Кендәләнь-дага виднѣется рядъ кургановъ, находящихся другъ отъ друга почти на одинаковомъ разстояніи. Курганы эти имѣютъ круглую конусообразную форму, около 10 сажень въ діаметрѣ у основанія и 3-хъ сажень высоты. Они тянутся по протяженію бывшей легендарной дороги Эльчи-ели, служившей единственнымъ путемъ сообщенія съ тогдашними сосѣдними ханствами, ведшими между тобою кровопролитныя войны.

Для защиты своихъ владѣній отъ внезапнаго нападенія со стороны безпокойныхъ сосѣднихъ ханствъ, царь Салсаль, жившій въ крѣпости Гявуръ-каласи, держалъ постоянное войско изъ всадниковъ, которые наблюдали за появленіемъ враговъ на описанныхъ выше курганахъ и высокой башнѣ подъ именемъ Кизларъ-каласи (дѣвичій замокъ). О результатѣ своего наблюденія они давали знать главному сторожевому пункту посредствомъ разведенія костровъ.

Укрѣпленіе Кизларъ-каласи имѣетъ форму круглой и высокой башни, построенной изъ жженныхъ кирпичей, на извести, и находится на самой высокой вершинѣ скалистыхъ горъ, откуда свободно можно обозрѣвать всю окружающую мѣстность. Въ Кабалинскомъ магалѣ приходилось мнѣ еще осматривать развалины двухъ крѣпостей: Филфилинской, на высокомъ отрогѣ Главнаго Кавказскаго хребта, выше селенія Хачмазъ, и Чухуръ-Кабалинской, у сѣверной подошвы горы Кендәләнь-дагъ. Обѣ эти крѣпости тоже извѣстны въ народѣ подъ названіемъ Гя-



вуръ-каласи (крѣпости гявуровъ), съ легендами почти одинаковаго содержанія относительно жившихъ въ нихъ гявуровъ, обращенныхъ халифомъ Алиемъ въ магометанство силою оружія.

Филфилинская крѣпость находится на недоступной вершинѣ скалистой горы до 2000 футовъ высоты. Гора эта состоящая изъ сплошнаго булыжника, напоминаетъ овальную усѣченную пирамиду съ отвѣсными боковыми стѣнами, имѣющую почти одинаковую площадь обоихъ основаній. Вершина этой недоступной горы обведена каменною на извести стѣною двухсаженной толщины и девятисаженной вышины. Она сложена какъ попало— безъ соблюденія даже самыхъ примитивныхъ архитектурныхъ требованій съ оставленіемъ вездѣ, наподобіе медовыхъ сотовъ, множества сквозныхъ отверстій, имѣющихъ въ діаметрѣ около  $\frac{3}{4}$  фута; затѣмъ внутренность самой крѣпости (длиною до 60 саж., шириною до 20 саж.) состоитъ изъ совершенно глухихъ лабиринтовъ: сверху крѣпость эта имѣетъ каменный сводъ, поддерживаемый промежуточными каменными же стѣнами, слѣдовательно, вся внутренность крѣпости состоитъ изъ нѣсколькихъ глухихъ отдѣленій, имѣющихъ одинъ только входъ, который, къ несчастію, былъ съ давнихъ временъ заваленъ камнями обрушившихся кругомъ стѣнъ. Неудивительно, что крѣпость и понынѣ остается неизслѣдованною. Хотя сверху сводъ ея и обросъ большими деревьями (чернолѣсье), но по мѣстамъ онъ свалился, образуя углубленія и впадины.

Преданіе гласитъ, что въ этой крѣпости жилъ съ войскомъ царь гяуровъ Газанфаръ, который былъ убитъ Алиемъ, преслѣдовавшимъ его за нежеланіе принять исламъ. Онъ сначала продолжительное время защищался въ этой крѣпости отъ неумолимаго предводителя арабовъ; затѣмъ, выбѣжавъ изъ нея, спрятался за большимъ камнемъ, лежащимъ на равнинѣ, ниже крѣпости, около селенія Армянитъ,



гдѣ и былъ убитъ Алиемъ однимъ ударомъ сабли (зуль-фугарь), которая также разсѣкла камень. Камень этотъ въ томъ видѣ остается и теперь и считается святыней.

По рассказамъ халхалинцевъ, Газанфаръ со своимъ духовнымъ лицомъ скрылся отъ преслѣдованія Алиа на курганѣ Егишъ Аракель, возлѣ селенія Варташинъ, гдѣ стоялъ сторожевой отрядъ. Этотъ курганъ считался тогда вторымъ укрѣпленнымъ пунктомъ во владѣніяхъ гявуровъ-удиновъ. Али преслѣдовалъ ихъ и убилъ всѣхъ на курганѣ. Здѣсь варташинцы похоронили своихъ мучениковъ и построили монастырь подъ названіемъ Егишъ Аракель.

Въ пяти верстахъ отъ лезгинскаго селенія Филфила, къ востоку, на ровномъ берегу горной рѣчки Корухларъ-чай, противъ Дагестанскаго перевала Хачмазъ-баши, виднѣются ряды фундаментовъ древнихъ строеній съ уцѣлѣвшимъ зданіемъ громадной глухой бани съ однимъ только входомъ; оно построено изъ камня и кирпича на крѣпкомъ цементѣ. Подъ сводчатою кровлею этого зданія находится нѣсколько десятковъ маленькихъ совершенно глухихъ отдѣленій, имѣющихъ между собою тѣсныя низенькія отверстія для сообщенія; впрочемъ, двое изъ этихъ отдѣленій болѣе просторныя. Мѣстность эта извѣстна подъ названіемъ Базаръ-ери (базарное мѣсто), а также называется хамамларъ (бани). Эти развалины, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, существуютъ со времени дагестанскаго царя Кизиль-аяга (золотоногій), который жилъ въ горахъ южнаго склона Кавказскаго главнаго хребта въ предѣлахъ Кабалинскаго магала. Онъ занимался сперва воровствомъ и разбоями, а потомъ нѣкоторое время самостоятельно управлялъ Кабалинскимъ магаломъ.

Хотя въ Кабалинскомъ магалѣ, наподобіе Филфилинской крѣпости Гявуръ-каласи, встрѣчаются слѣды древнихъ укрѣпленій и въ другихъ его мѣстностяхъ, но Чухуръ-Кабалинская крѣпость своимъ вѣшнимъ видомъ и мѣстоположеніемъ



свидѣтельствуеть о томъ историческомъ значеніи, которая она имѣла когда-то въ окрестныхъ мѣстностяхъ Нухинскаго, Арешскаго и Геокчайскаго уѣздовъ, ибо исчезнувшая уже легендарная дорога съ существовавшими при ней сторожевыми пунктами (курганами), описанными выше, пролегла по южному склону горы Кендәләнь-дагъ, которая въ настоящее время служить административною границею этихъ уѣздовъ. Дорога эта, повидимому, проходила черезъ ущелье рѣки Турьянь-чай, мимо этой крѣпости, въ самый Кабалинскій магалъ. Чухуръ-Кабалинская крѣпость построена на полуостровѣ, образуемомъ глубокими руслами двухъ сливающихся рѣчекъ—съ востока подъ названіемъ Карачай, а съ запада—Друджа. Эти рѣчки у крѣпости соединяются вмѣстѣ, текутъ по общему оврагу, черезъ Чухуръ-Кабалинскій проходъ по хребту Кендәләнь-дагъ и впадаютъ въ рѣчку Турьянь-чай. Оврагъ этотъ на разстояніи 1½ версты ниже крѣпости былъ запруженъ земляною насыпью, доходящею отъ одного берега къ другому, подъ именемъ Гяуръ-банди \*). Вслѣдствіе этого образовалось вокругъ крѣпости искусственное озеро, которое могло защитить отъ вторженія непріятеля. Что таково было назначеніе этой плотины, видно изъ слѣдующаго: плотина, запрудившая воду, хотя нынѣ прорыта водою съ западной стороны, находится на одномъ уровнѣ съ основаніемъ стѣнъ крѣпости; кромѣ того, полуостровъ, гдѣ существуетъ крѣпость, и смежные съ нею бывшіе околотки города Сальбиръ, имѣютъ человѣческою рукою вырытый каналъ между крѣпостью и городомъ для соединенія восточнаго оврага рѣчки Карачай съ западнымъ—Друджою.

Почва въ этой мѣстности черноземная безъ песку и камней даже въ самыхъ глубокихъ ея слояхъ. Южныя стѣны этой крѣпости, гдѣ соединяются два оврага, сохраняютъ и

\*) Шлюза гяуровъ.



теперь четыре громадныхъ башни, соединенныхъ между собою высокою толстою стѣною, сложенною изъ жженныхъ кирпичей на извести. Бывшій городъ отдѣляется отъ собственной крѣпости глубокою, человѣческой рукою вырытою, канавою. Мѣсто города носить названіе Сальбиръ, а крѣпости—Каа; въ настоящее время тамъ идетъ распашка.

Въ самой крѣпости и на мѣстѣ бывшего города можно указать на фундаменты существовавшихъ нѣкогда построекъ, сложенныхъ также изъ кирпичей и камня, съ опредѣленіемъ числа и расположенія комнатъ; постройки эти немилосердно разрушаются и раскапываются жителями окружающихъ селеній, которые добываемые оттуда матеріалы употребляютъ на свои надобности, но все-таки и понынѣ сохраняются слѣды бывшего нѣкогда многолюдного города.

При раскопкахъ, производимыхъ жителями для добыванія строевого матеріала, какъ рассказываютъ, всегда находились клады въ глиняныхъ или мѣдныхъ горшкахъ, содержавшихъ золотыя или серебряныя монеты съ куфическими надписями и знаками; но рѣдко кому, вмѣсто клада, удавалось докопаться до могилъ, въ которыхъ часто попадались золотыя женскія украшенія съ дорогими разноцвѣтными камнями. Къ сожалѣнію, подобные находки по невѣжеству находившихъ ихъ лицъ всегда подвергаются тайной продажѣ для сплавки серебрякамъ за самую ничтожную цѣну. Напримѣръ, одинъ нашелъ два плетеныхъ браслета (шириною въ два пальца), сдѣланныхъ изъ золотой проволоки съ однимъ крупнымъ свѣтлопурпуровымъ и многими мелкими тоже свѣтлыми разноцвѣтными камнями, серьги съ такими же украшеніями и нѣкоторое количество крупныхъ коралловъ; все это продано въ гор. Нухъ за 27 рублей.

Овраги эти и соединительная канава имѣли для крѣпости серьезное значеніе, такъ какъ они наполнялись водою. Для этого на разстояніи двухъ верстъ ниже крѣпости за-



пруживалась вода искусственною земляною насыпью, которая называется Гявуръ-банди. Для сохраненія вездѣ высокаго уровня воды насыпь эта продолжена по обѣимъ сторонамъ оврага съ запада до сосѣднихъ горъ Кухъ-мурдъ и Амильдаги съ востока.

Разсказываютъ по поводу этой крѣпости, что 13 столѣтій тому назадъ IV халифъ Али-Бинъ-Абуталибъ на своемъ чудовищномъ конѣ Дульдумъ со своей чудотворною саблей былъ здѣсь съ цѣлю распространенія магометанства. Оставляя вездѣ по пути на камняхъ слѣды отъ копытъ Дульдума, на пути сюда, онъ остановился у подножья горы Кендәләнь-дагъ, у пруда вокругъ упомянутой крѣпости. О его прибытіи узналъ царь Салсалъ, который имѣлъ красивую дочь. Вѣсть о храбрости Аліа дошла и до этой царицы. Она общала Алію сообщить секретъ отцовскаго укрѣпленія и выразила готовность выйти на него замужъ, если онъ окажется достойнымъ ея вниманія. Она сказала, что онъ, Али, извѣстенъ ей какъ непобѣдимый полководецъ, но незвѣстенъ какъ настоящій мужчина, который могъ бы быть ей мужемъ; пусть онъ поэтому мочится въ воду у берега пруда, и если образовавшаяся отъ мочи пѣна останется въ теченіе трехъ дней, то она исполнитъ свое обѣщаніе. Узнавши объ этомъ, Али немедленно досталъ ваты и бросилъ ее у берега въ воду. Царевна изъ крѣпости замѣтила бѣлый бугорокъ на водѣ и приняла это за пѣну отъ мочи. На четвертый день царица дала знать Алію, что пусть онъ броситъ въ воду солому, которая должна плыть по водѣ и крутиться тамъ, гдѣ прудъ имѣетъ выпускную трубу; тутъ-то онъ можетъ выпустить воду и такимъ образомъ осушить оврагъ вокругъ крѣпости. Совѣтомъ красавицы воспользовался Аліи, и ему дѣйствительно удалось взять крѣпость и превратить жителей въ магометанъ. Царь Салсалъ былъ убитъ Аліемъ за свое упрямство въ принятіи ислама, а царица вышла



за него замужъ. Послѣ кратковременнаго супружества, Али отправился въ походъ, отдавъ женѣ свой молитвенникъ для ношенія будущему ея сыну. Спустя, 9 мѣсяцевъ 9 дней она родила прекраснаго мальчика по имени Мурадъ, который обращалъ на себя вниманіе своею необыкновенною силою и быстрымъ ростомъ. Когда Али въ другой разъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, то встрѣтилъ на улицѣ толпу мальчиковъ, игравшихъ въ „баша-ковурма“. Игра эта заключается въ томъ, что одинъ изъ играющихъ сидитъ посреди довольно большаго круга, проведеннаго по землѣ, а другой, касаясь одной рукой сидящаго, защищаетъ его головной уборъ отъ захвата бѣгающихъ внѣ круга мальчиковъ и старается нанести ударъ ногою. Если кто-либо изъ атакующихъ получитъ въ кругѣ ударъ отъ защищающаго, то онъ немедленно смѣняетъ защищающаго и, въ свою очередь, отбиваетъ головной уборъ слѣдующаго... „Вступающій въ игру считается играющимъ“, говоря такъ, Али присоединился къ нимъ и сталъ играть. На это защищающій—мальчикъ довольно ловкій и сильный выразилъ свое согласіе. „Какъ зовутъ тебя?“ спросилъ Али, — „Мурадъ!“ отвѣтилъ онъ. Въ игрѣ Мурадъ далъ Алию почувствовать свою силу ударомъ ногою и предоставилъ ему свою роль. Али же въ игрѣ старался наказать этого мальчика за такую для него обиду. Игра продолжалась. Али, пропустивъ всѣхъ, настолько сильно ударилъ Мурада, что тотъ, кувыркомъ полетѣвши по воздуху, упалъ на сосѣднюю гору, находящуюся въ 8 верстахъ отъ мѣста игры къ западу, т.-е. отъ крѣпости. — „Койди, Мурадъ!“ \*) вскричалъ Али, т.-е. игра не нарушена. Когда Али узналъ о томъ, что убилъ родного сына, то горько заплакалъ и велѣлъ похоронить его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ

---

\*) Койди—терминъ, употребляемый при всѣхъ дѣтскихъ играхъ, означаетъ ненарушеніе правилъ игры.



упалъ. Гора эта и называется Кой\*)-Мурадъ. Могила Мура-  
да нынѣ почитается всеѣми удинами, армянами и мусульма-  
нами. Туда ѣдутъ на богомолье все, въ особенности бездѣт-  
ныя женщины, которыя возлѣ могилы оставляютъ куклы  
въ люлькахъ, въ надеждѣ дожидаться, наконецъ, ребенка.

Вѣроучитель Омар. зак. Закавказской учит. семинаріи,  
*Рашидъ-бекъ Эфендіевъ.*

---

\*) Кой или кухъ по-персидски—гора.



## Разсказъ очевидца о Шамилѣ и его современникахъ.

Годъ тому назадъ я случайно познакомился въ Тифлисѣ съ шуриномъ Шамиля (онъ же и зять) г. Абдуррахимомъ <sup>1)</sup>. Одна изъ женъ Шамиля сестра Абдуррахима, по имени Загидать, самъ же Абдуррахимъ былъ женатъ на дочери Шамиля Фатимать, давно уже скончавшейся. Кромѣ этой кровной связи, есть еще и нѣкоторая духовная связь у г. Абдуррахима со знаменитымъ имамомъ мюридовъ: однимъ изъ главныхъ наставниковъ Шамиля былъ отецъ г. Абдуррахима, очень извѣстный въ мусульманскомъ мірѣ Джемал-эддинъ, преподававшій ему откровенія „тариката“. Въ силу этихъ отношеній Абдуррахимъ довольно близко стоялъ къ Шамилю и вмѣстѣ съ нимъ переживалъ многія перипетіи его трагической судьбы.

Съ любезнаго разрѣшенія г. Абдуррахима, мы позволяемъ себѣ привести содержаніе нашей бесѣды съ нимъ о Шамилѣ и лицахъ, такъ или иначе способствовавшихъ его

---

<sup>1)</sup> Его полное имя Сейдъ Абдуррахимъ Джемалэддинъ Хуссейнъ. Родился въ 1842 г. Послѣ взятія въ плѣнъ Шамиля и его семьи, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Калугѣ. Въ 1864 г. поступилъ въ Изюмскій гусарскій полкъ, а затѣмъ въ лейбъ-гвардію гусарскій, откуда, по ходатайству покорителя Чечни и Дагестана кн. Барятинскаго, зачисленъ въ конвой Его Величества, гдѣ прослужилъ 10 лѣтъ. Послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 г., въ которой принималъ участіе, будучи прикомандированъ къ закавказской дѣйствующей арміи, Абдуррахимъ сильно заболѣлъ и вынужденъ былъ оставить службу. Въ отставку вышелъ онъ съ чиномъ майора по кавалеріи, съ сохраненіемъ содержанія и правомъ носить форму и вооруженіе азіатскія. Въ настоящее время онъ живетъ почти безвыѣздно въ Казии-Кумухѣ.

выдающейся исторической авантюры. Читатель, конечно, легко замѣтитъ, что свѣдѣнія, сообщаемыя рассказчикомъ объ отцѣ своемъ, шейхѣ Джемалѣддинѣ, носятъ наполовину легендарный характеръ, изображая эту личность въ томъ видѣ, какъ она отразилась въ воображеніи народа. Подвергая обработкѣ имѣвшійся у насъ матеріалъ<sup>1)</sup>, мы старались сохранять подлинныя выраженія повѣствователя, гдѣ это оказывалось возможнымъ.

„Родъ нашъ по отцу нашему, Джемалѣдину, какъ гласитъ преданіе, восходитъ къ сыну 4-го халифа (Али)-Хуссейну, рожденному отъ любимой дочери пророка Магомета, Фатиматъ. Потомству Фатиматъ, проистекшему отъ 2-хъ ея сыновей (упомянутаго Хуссейна, предка нашего, и брата его Гассана), на вѣчныя времена присвоенъ титулъ *сеидовъ*<sup>2)</sup>. Прибытіе въ Дагестанъ гуссейноваго рода, съ цѣлью распространенія тамъ ислама, преданіе относитъ къ VIII в., ко временамъ халифа Абу-Муслема. Съ этихъ поръ и вплоть до подчиненія Дагестана русскому владычеству<sup>3)</sup>, роду нашему всегда отчислялась  $\frac{1}{5}$  изъ военной добычи; при Шамилѣ эта доля распредѣлялась между 72 наличными членами нашего рода.

Стецъ мой, вышеупомянутый Джемалѣддинъ, снискалъ въ мусульманскомъ мірѣ славу ученѣйшаго человека и даже святого. Въ молодости онъ перебывалъ въ разныхъ мѣстахъ мусульманскаго Кавказа, приобрѣтая знанія наукъ и обычаевъ; онъ хорошо зналъ языки: арабскій, фарсійскій, татарскій, не говоря уже о многочисленныхъ языкахъ Дагестана. Еще юношей онъ поступилъ на службу къ хану кази-ку-

<sup>1)</sup> Нѣкоторыя дополнительные данныя любезно были намъ сообщены г. Абдуррахимомъ въ письмѣ.

<sup>2)</sup> См. выше полный титулъ Абдуррахима.

<sup>3)</sup> 1859 г.



мыкскому и кюринскому Аслану, въ качествѣ его ближайшаго секретаря, при чемъ Асланъ пожаловалъ ему изъ своихъ собственныхъ имѣній три большихъ селенія. Когда же блескъ и пышность двора ханскаго стали ему въ тягость, онъ задумалъ все бросить и ѣхать къ шейху яраглинскому Магомету, чтобы послушать отъ него божественныхъ наставленій и принять *ахдъ* (тарикатскій обѣтъ). По дорогѣ случилось ему остановиться у одного очень бѣднаго, но добродѣтельнаго человѣка. При видѣ жалкой обстановки, въ которой теперь очутился Джемалѣддинъ, въ его душу стало закрадываться сожалѣніе о богатствѣ и роскоши, которыя онъ оставилъ позади себя. Тогда человѣкъ, пріютившій его, пристально взглянулъ на него и сказалъ, улыбаясь: «О Джемалѣддинъ, обрати свой взоръ сюда!» И, при этихъ словахъ, онъ положилъ свою руку ниже локтя на пылающій огонь. Когда же онъ принялъ ее, на ней не только не было слѣдовъ ожоговъ, но и волосъ ни одинъ не опалился. Джемалѣддинъ стоялъ объятый ужасомъ и, наконецъ, придя въ себя, воскликнулъ: «Что значить это чудо и откуда ты знаешь имя мое?!» — «О тебѣ предупредилъ меня еще вчера Ярагли-Магометъ, сказавъ мнѣ: къ тебѣ пріѣдетъ Джемалѣддинъ, и ты дашь ему ночлегъ въ своемъ домѣ и приведешь его ко мнѣ: ему надо принять отъ меня „ахдъ“. Онъ будетъ нашимъ послушникомъ, а впоследствии шейхомъ и «уадамомъ» (проповѣдникомъ) всему мусульманскому міру. Такова милость къ нему Аллаха!» Все такъ и случилось, какъ пророчествовалъ Ярагли. Скоро слава о святости новаго устада достигла отдаленныхъ предѣловъ Аравіи и Бухары. Многіе приходили къ нему брать священный тарикатъ, а кто не могъ самъ придти, сносился съ нимъ письменно. Впоследствии къ Джемалѣдину явились Кази-мулла и Шамиль и, убѣдившись, что онъ истинный шейхъ, слушали отъ него наставленія въ шаріатъ и тарикатъ. Сначала наставникъ и его знаменитые



ученики жили въ разныхъ аулахъ, но съ 50-хъ годовъ всё-трое жили вмѣстѣ: въ Дарго, Ведено и др. мѣстахъ.

Популярность Джемалѣддина увеличивалась съ каждымъ годомъ, что очень не нравилось Асланъ-хану. И вотъ однажды, когда вокругъ отца собралась большая толпа народа, шахъ потребовалъ отъ устада какого-нибудь чуда, въ противномъ случаѣ грозилъ его казнить, какъ возмутителя общественнаго спокойствія. Тогда Джемалѣддинъ сказалъ окружающимъ: «Возьмите лопаты и идите за мной!» Когда же пришли къ мѣсту, гдѣ со всего аула сваливались нечистоты, устадь остановился и, отмѣривъ жезломъ пространство въ 3 арш. длиною и  $1\frac{1}{2}$  шириною, сказалъ имъ: «Копайте здѣсь, и на глубинѣ 3 арш. вы найдете трупъ 16-лѣтней дѣвушки, много вѣковъ тому назадъ убитой за исламъ язычниками. Тѣло и саванъ ея не тронуты тлѣніемъ, а на груди хорошо еще видна рана отъ стрѣлы!» Стали копать и дѣйствительно нашли все такъ, какъ говорилъ устадь. Ханъ былъ очень пристыженъ этимъ и оставилъ на время въ покоѣ моего отца. А между тѣмъ слава Джемалѣддина, послѣ описаннаго случая, еще болѣе возросла, и подозрительный ханъ сталъ видѣть въ немъ претендента на свое ханство. Тогда онъ вознамѣрился окончательно погубить отца. Зоветь онъ его къ себѣ въ гости, а вооруженнымъ кинжалами нукерамъ приказываетъ стать позади Джемалѣддина, чтобы, по данному знаку, заколотъ его. Джемалѣддинъ принялъ приглашеніе, но, войдя въ кунакъ вѣроломнаго хана, простеръ къ нему руки и грозно сказалъ: «Чего еще ты хочешь отъ меня? Оставишь ли ты когда-нибудь меня въ покоѣ?!» Тутъ ханъ растерялся и поспѣшилъ укрыться въ гаремъ. Ему почудилось, какъ признавался онъ впослѣдствіи, что изъ всѣхъ 10 пальцевъ Джемалѣддина исходитъ огонь, наподобіе молніи, а изъ-за плечъ показывается страшный драгонъ, готовый поглотить хана. Нукеры, не понимая, что случилось, и не



получивъ условленнаго знака, не могли помѣшать Джемалѣддину благополучно вернуться домой. Сюдаже спѣшить, узнавъ о случившемся, любимая жена хана Умму-Гулсумъ и умоляетъ Джемалѣддина простить хана: онъ де общается навсегда прекратить свои козни, въ знакъ чего просить принять нѣсколько кисетовъ<sup>1)</sup> съ золотомъ для раздачи бѣднымъ его мюридамъ. Джемалѣддинъ принялъ этотъ даръ; однако, не довѣряя хану, въ вѣроломствѣ котораго успѣлъ теперь убѣдиться, переѣхалъ на житье въ Цудахаръ. Сюда не простиралась власть Аслана, такъ какъ цудахарцы считались вольнымъ народомъ, образуя изъ себя какъ бы родъ независимой республики. Съ прибытіемъ Джемалѣддина изъ Цудахара и возникла та священная для мусульманъ война (газавать), что продолжалась почти непрерывно до 25 августа 1859 г., т. е. до плѣненія кн. Барятинскимъ Шамиля въ Гунибѣ. Въ 1860 г. Джемалѣддинъ, съ разрѣшенія русскаго правительства, переселился въ Турцію. Султанъ охотно принялъ его въ свое подданство: ему назначено было пожизненное содержаніе въ 4,000 меджидіа и разрѣшено жить, гдѣ пожелаетъ. Проживъ нѣкоторое время въ Стамбулѣ, онъ здѣсь и скончался, оставивъ 3-хъ сыновей на турецкой службѣ, другихъ же трое осталось въ Россіи, въ рядахъ русской кавалеріи. Изъ литературныхъ трудовъ Джемалѣддина особенно замѣчательнъ трактатъ, излагающій сущность тарикатскаго ученія, подъ названіемъ Абадуль-Марзіатъ, переведенный на русскій языкъ моимъ братомъ Абдулрахманомъ<sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Кисеть вмѣщала около 25 голландскихъ червонцевъ.

<sup>2)</sup> См. „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, II вып., 1869 г.; IV вып., 1870 г.



„Шамиль былъ отъ природы надѣленъ желѣзнымъ здоровьемъ, что всего лучше обнаружилось подъ Гимрами (1832 г.): проколотый насквозь въ грудь штыкомъ, онъ, послѣ трехмѣсячнаго лѣченія у тестя своего Абдуль-Азиса, совершенно оправился. Вспоминая объ этомъ случаѣ, Шамиль говорилъ, что спасло его, вѣроятно, то обстоятельство, что штыкъ не задѣлъ легкаго, а только скользнулъ по немъ <sup>1)</sup>).

Воспитанный въ суровыхъ правилахъ тариката, Шамиль всегда былъ строгъ къ себѣ и окружающимъ: вина, напр., никогда не пилъ и строго наказывалъ своихъ подданныхъ за пьянство. Онъ не любилъ праздности и всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ: то дѣлами, то молитвой, то чтеніемъ. Вставалъ онъ рано, а ложился часовъ въ 9—10, совершивъ предварительно вечернюю молитву; но часа въ 2 утра опять вставалъ и молился вплоть до утренней зари. Въ пищѣ онъ не былъ прихотливъ, но все же предпочиталъ мѣстные блюда: хинкель (родъ галушекъ), вареное мясо и рыбу; два раза въ день—въ полдень и передъ сномъ—имѣлъ обыкновеніе пить чай; иногда позволялъ себѣ полакомиться шербетомъ или сокомъ гранатовымъ; въ походахъ же ѣлъ и пилъ все, что случится. Обладая характеромъ серьезнымъ, строгимъ, Шамиль не былъ чуждъ и многихъ мягкихъ чертъ. Такъ онъ былъ очень привязанъ къ семьѣ, дѣтей своихъ любилъ до обожанія, сердечно относился ко всякому доброму человѣку, ненавидѣлъ ложь, обманъ и терпимо относился къ иновѣрцамъ. Онъ щедро раздавалъ милостыню: его казначею было настрого запрещено гонять отъ его дверей нищихъ. Шамиль рѣдко сердился: лишь явныя нарушенія религіи и шаріата вызывали его справедливый гнѣвъ. Часто онъ бывалъ шутливъ и разговорчивъ, при чемъ любилъ бесѣдовать о военныхъ дѣлахъ, подвигахъ великихъ людей,

---

<sup>1)</sup> См. подробности въ статьѣ г. Захарьина „Встрѣча съ сыномъ Шамиля“, Русск. Старина, 1901 г., VIII, 375 стр.



о договорахъ и т. п. Историческія свѣдѣнія Шамиль черпалъ главнымъ образомъ изъ книги „Магази“, содержащей въ себѣ описаніе походовъ Магомета и его ближайшихъ преемниковъ. Иногда онъ собиралъ народъ на площади и проповѣдывалъ шаріатъ. Въ мирное время два раза въ недѣлю (понедѣльникъ и вторникъ) Шамиль лично принималъ жалобы отъ тяжущихся и давалъ по нимъ удовлетвореніе. Однако онъ не спѣшилъ съ приговоромъ. Онъ любилъ повторять, что правитель долженъ все знать, но быть очень осторожнымъ при опредѣленіи наказаній, дабы не обидѣть невиннаго. Вотъ почему, если дѣло бывало сложное, онъ предварительно наводилъ черезъ набовъ необходимыя справки. Въ наложеніи взысканій, Шамиль вообще слѣдовалъ шаріату, но, какъ имамъ, считалъ себя въ правѣ и усиливать степень наказанія. Напр., вмѣсто 40 ударовъ палкою по спинѣ—наказаніе, назначаемое шаріатомъ за пьянство,—велитъ, бывало, сбросить виновнаго со скалы въ пропасть или съ моста въ рѣку <sup>1)</sup>. Такъ держалъ онъ людей въ страхѣ Божиємъ и не позволялъ шутить съ религіей. Однако преданность исламу не мѣшала ему быть вѣротерпимымъ: уважая другія религіи, Шамиль требовалъ, чтобы каждый его подданный—христіанинъ ли, еврей, могометанинъ—строго слѣдовалъ предписаніямъ своего закона, хотя, конечно, каралъ за проступки противъ религіи только своихъ единовѣрцевъ. За обычныя же преступленія наказывалъ безъ различія вѣры и національности.

---

<sup>1)</sup> Шаріатъ устанавливаетъ слѣдующія наказанія: за пьянство бьютъ 40 разъ палкою по спинѣ, при чемъ палка должна быть толщиною въ мизинецъ, а длиною въ локоть (не считая рукоятки); за оскорбленіе словомъ—80 ударовъ; за прелюбодѣяніе—100 ударовъ, лишь въ томъ случаѣ, если участники его не связаны узами брака; въ противномъ случаѣ—виновные побиваются камнями, при чемъ камень не долженъ быть больше куриного яйца.



Задумавъ придать своимъ полудикимъ владѣніямъ видъ государственнаго благоустройства, Шамиль старался отовсюду привлекать къ себѣ людей, которые могли бы быть ему полезными на разныхъ поприщахъ. Такъ, напр., лезгинъ-кузнецъ изъ Унцукуля Джебраиль, выучившійся литейному дѣлу на службѣ у египетскаго хедива, лилъ пушки для Шамиля, при чемъ, за недостаткомъ матеріала, шла въ дѣло мѣдная посуда. Своего свинца не было, такъ мы выкапывали изъ земли русскія пули, или же тайно провозили изъ-за русской границы. Въ послѣднемъ случаѣ пользовались еще слѣдующимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ: брату моей мачехи Измаилу и одному кази-кумухцу Мусѣ разрѣшено было Шамилемъ и русскимъ правительствомъ ѣздить въ пограничныя русскія укрѣпленія (Грозный, Хасавъ-юртъ и др.), для выкупа и обмѣна плѣнныхъ; эти-то лица и ухищрялись скупать, подъ рукой, свинецъ, желѣзо, сталь и др., а ночью на вьюкахъ переправляли подъ конвоемъ черезъ границу. Впрочемъ предосторожности нужны были только для военныхъ припасовъ, комиссаріатскіе же предметы (каковы: сахаръ, кофе и т. п.), а равно и красный товаръ, не запрещалось ввозить въ какомъ угодно количествѣ.

Изъ своихъ помощниковъ Шамиль одно время особенно отличалъ Юсуфа-Гаджи, инженера изъ арміи того же египетскаго хедива. Въ качествѣ хорошаго инструктора и инженера, Юсуфъ помогъ Шамилю создать регулярное войско (низамъ) и возвелъ много укрѣпленій. Однако въ послѣдствіи были обнаружены сношенія Юсуфа съ непріателемъ и Шамиль хотѣлъ его казнить, но отецъ мой Джемалѣддинъ своимъ заступничествомъ спасъ ему жизнь, и дѣло кончилось лишь конфискаціей имущества и ссылкой Юсуфа въ сел. Акнода <sup>1)</sup>, откуда ему удалось бѣжать на русскую

---

<sup>1)</sup> С. Акнода считалось шамилевской Сибирью.



линію, въ Грозную <sup>1)</sup>). Бѣглыхъ и плѣнныхъ Шамиль лично испытывалъ, къ чему кто способенъ, и потомъ уже опредѣлялъ: кого кузнецомъ, кого артиллеристомъ или механикомъ; болѣе смышленнымъ и надежнымъ довѣрялъ даже завѣдываніе пороховыми заводами, шорнями, ремонтомъ конницы и др. Такихъ всельниковъ набралось у насъ достаточно, такъ что изъ нихъ Шамиль образовалъ даже цѣлое селеніе, рядомъ съ Ведено. Русскихъ крестьяногъ или казакегъ, отбившихся отъ своего родного гнѣзда, онъ посылалъ въ это селеніе и онѣ вольны были выбрать тамъ себѣ мужей, при чемъ одинъ изъ поселенцевъ, по общему избранію, исполнялъ при вѣнцѣ обязанности священника. Если же кто изъ этого пришлаго люда соглашался принять исламъ, то такому предоставлялось право жениться на мусульманкѣ. Малоспособныхъ изъ числа плѣнныхъ Шамиль прикомандировывалъ къ какому-нибудь бѣдному мюриду, въ качествѣ работника, при чемъ ихъ должны были содержать какъ членовъ семьи, т. е. кормить, одѣвать и пр.

На войнѣ Шамиль обнаруживалъ изумительную распорядительность и находчивость: самъ лично входилъ во всякую мелочь; гдѣ нужно, понуждалъ, а гдѣ нужно, каралъ; зорко слѣдилъ онъ за всѣми дѣйствіями. Если случалось, что кто-нибудь изъ начальниковъ обнаружить малодушіе или трусость, такихъ онъ передъ рядами своихъ вѣрныхъ мюридовъ лишалъ начальства и обращалъ въ рядовыхъ: и они дрались потомъ, какъ львы, или умирали честной смертью впереди другихъ, чтобы загладить свою вину передъ имамомъ и смыть позорящее пятно.

Посылая письменныя приказанія подчиненнымъ лицамъ и при дипломатическихъ сношеніяхъ, Шамиль избѣгалъ под-

---

<sup>1)</sup> Срав. „Сборникъ свѣдѣній о кавказ. горцахъ“, вып. VII, ст. Гаджи-Али, стр. 22.



писывать свое имя, а обыкновенно заставлялъ кого-нибудь изъ близкихъ скрѣплять акты своей именной печатью. На этой печати стояли имена 7 святыхъ, о которыхъ сказано въ алькоранѣ, что они бѣжали отъ преслѣдованія царя вавилонскаго и нашли убѣжище въ одной пещерѣ<sup>1)</sup>; имъ сопутствовала ихъ вѣрная собака Китмиръ; ея имя тоже стоитъ на печати, а ниже—Абдугу Шамуиль, т. е. слуга божій Самуиль (или Шамиль)“.

О гунибскомъ сидѣннѣ Абдуррахимъ, какъ очевидецъ и участникъ событія, передалъ намъ слѣдующія, не лишеныя интереса, подробности.

„Когда съ потерей Ведена, главной резиденціи Шамиля, ему пришлось укрыться, съ четырьмя сотнями вѣрныхъ мюридовъ, на Гунибской площади, онъ не считалъ своего дѣла еще потеряннымъ. 26 іюля 1859 г. пришли мы сюда съ Шамилемъ (при немъ была и семья), а черезъ недѣлю подошелъ кн. Барятинскій и окружилъ Гунибъ со всѣхъ сторонъ. На первое предложеніе сдаться, Шамиль велѣлъ своему зятю Абдуррахману написать такой отвѣтъ:

„Рука смочена, шашка вынута, а помощь только отъ Бога!“

Первый приступъ русскіе сдѣлали 24 авг., въ часъ ночи. Этому нападенію имамъ однако не придавалъ значенія: онъ его считалъ фальшивымъ, ходилъ среди насъ и всячески успокаивалъ. За тотъ пунктъ, на который теперь направились дѣйствія непріятеля, онъ не опасался: единственно, чего онъ боялся—быть обойденнымъ тылу, такъ какъ эта мѣстность была почти не защищена<sup>2)</sup> и удалена отъ главныхъ силъ на 12 вер. На слѣдующій день (это было 25-ое

<sup>1)</sup> Вотъ имена этихъ 7 святыхъ: Ямлиха, Максалина, Маслина, Марнушъ, Добарнушъ, Шазанушъ, Капаштатюшъ.

<sup>2)</sup> Говорили, что здѣсь находилось всего 10 мюридовъ.



авг.) приступъ возобновился съ 8 час. утра. Событія этого рокового дня сильно врѣзались въ мою память.

Мы находились въ мѣстности превосходно защищенной естественными условіями и всеми имѣвшимися у насъ средствами. Шамиль старался сдѣлать ее еще болѣе неприступной. Но нашъ противникъ имѣлъ громадное надъ нами преимущество: въ его распоряженіи имѣлась артиллерія, а у насъ ея не было, если не считать 4-хъ пушекъ, изъ которыхъ одна только была исправная, да и та была чугунная и безъ колесъ, такъ что ея нельзя было направлять на непріятеля. Когда въ ней миновала надобность, мы ее сбросили съ кручи, и при своемъ паденіи она убила до 15 русскихъ солдатъ. Пушки же Барятинскаго принадлежали къ типу горной артиллеріи и были малаго калибра: онѣ, правда, мало причиняли вреда нашимъ укрѣпленіямъ, но зато производили сильныя опустошенія среди мюридовъ. За неимѣніемъ артиллеріи, мы сыпали въ непріятеля градомъ камня, который намъ въ изобиліи подносили женщины и дѣти.

Съ большимъ одушевленіемъ боролась горсть защитниковъ Гуниба. Много присутствія духа обнаруживали въ эти часы и наши женщины. Такъ одна, напр., то была еврейка-мусульманка Зейнобъ (изъ плѣнницъ), жена Юнуса, бывшаго казначея Шамиля—надѣла на голову чалму и въ такомъ видѣ ходила съ обнаженной шашкой по улицамъ аула и возбуждала мужчинъ къ бою. Раньше она прославилась тѣмъ же при Ахульго (1839 г.). Приходитъ на память и еще одна, болѣе скромная, героиня, родомъ изъ сел. Черкей. Имени ея, къ сожалѣнію, не помню. Ея мужъ, Бецовъ <sup>1)</sup> Исмаиль, и оба сына были въ бою; положеніе съ минуты на минуту становилось все тревожнѣе, а она, какъ ни въ чемъ не бывало, хлопотала возлѣ очага и варила «хинкель», чтобы было чѣмъ воинамъ подгрѣпить свои си-

---

<sup>1)</sup> бецовъ-слѣпой.



лы, когда вернутся съ кроваваго боя. Мужъ ея палъ, но оба сына дѣйствительно вернулись невредимыми, спасшись отъ плѣна почти чудеснымъ образомъ: они нашли по близости пещеру и въ ней скрывались до вечера, а вечеромъ незамѣтно прокрались къ своимъ.

Трудность нашего положенія увеличивалась крайнимъ недостаткомъ продовольствія: никакихъ предварительныхъ заготовокъ не было сдѣлано, такъ какъ никому и въ голову не приходило, что придется такъ поспѣшно укрываться на Гунибѣ. Питались мюриды, какъ птицы небесныя. Я, напр., семеро сутокъ ѣлъ только клубнику да поджаренные колосья пшеницы. Отъ такой пищи я заболѣлъ холериной и едва не умеръ. Удивляюсь, откуда только брались у насъ силы для такихъ, напр., горячихъ схватокъ, какъ дѣло на ручьѣ, протекающемъ черезъ аулъ Гунибъ: мутныя волны этого ручья побагровѣли отъ крови, а берега были устланы 200-ми труповъ (нашихъ и ширванцевъ). Но всему приходитъ конецъ...

Къ 2 ч. дня кн. Барятинскій, не желая болѣе длить кровопролитія и щадя нашихъ женщинъ и дѣтей, прислалъ своихъ парламентаревъ. Къ этому моменту у Шамиля оставалось изъ 400 мюридовъ не болѣе 70 (населеніе Гуниба еще раньше покорилося побѣдителю).

Однако Шамиль и на этотъ разъ заупрямился и не пожелалъ даже выслушать хорошенько посланнаго. Тогда старшій сынъ Шамиля, Кази-Мухаммедъ <sup>1)</sup> сказалъ имаму:

---

<sup>1)</sup> Отпущенный въслѣдствіи на поклоненіе къ Меккѣ Кази-Мухаммедъ уже не вернулся въ Россію и живетъ въ настоящее время эмигрантомъ въ Меккѣ. Другіе источники готовы видѣть въ совѣтѣ, подсказанномъ простымъ благоразуміемъ, измѣну со стороны Кази-Мухаммеда. См., напр., у Гаджи-Али въ цитованномъ выше сочиненіи. Тамъ-же о рѣшеніи Шамиля не сдаваться говорится такъ: Шамиль приготовился защищаться, положивъ передъ собой шашку и заткнувъ поясъ. Онъ рѣшился умереть и сказалъ: „вы должны сражаться, а не говорить мнѣ, чтобы я шелъ къ главнокомандующему. Я хочу сражаться и умереть въ этотъ день“.



«Подожди, дослушаемъ, что они хотятъ намъ предложить». Такъ завязались переговоры, и въ 4 часа пополудни произошла сдача Шамиля. Онъ просилъ при этомъ не снимать съ него оружія, не разлучать съ семьей и отпустить на поклоненіе въ Мекку. Первыя двѣ просьбы имама кн. Барятинскій охотно исполнилъ, а о третьей обѣщалъ ходатайствовать передъ Государемъ, такъ какъ своей властью князь не въ правѣ былъ дать разрѣшенія; однако увѣрялъ, что Государь не откажетъ въ его просьбѣ.

Послѣ сдачи, Шамиль тотчасъ же съ семьей былъ провожденъ въ русскій лагерь, находившійся въ Кегеръ-дагѣ. Здѣсь кн. Барятинскій на парадѣ поздравилъ войска съ знаменательнымъ событіемъ и роздалъ имъ тѣ 10,000 р., которые были обѣщаны за голову Шамиля. Затѣмъ плѣннаго имама, со всѣмъ его семействомъ и 3-мя нукерами, препроводили въ Шуру, гдѣ онъ проболѣлъ, послѣ испытанныхъ потрясеній, 10—12 дней. Когда же онъ оправился, то его повезли вмѣстѣ со старшимъ сыномъ Кази-Магомоемъ, въ Петербургъ, при чемъ кн. Барятинскій прислалъ ему въ даръ отъ себя шубу чернаго медвѣдя стоимостью въ 3,000 руб. и подарки женамъ, дочерямъ и невѣсткамъ (часы, броши, кольца и др. женскія украшенія). Насъ же, мужчинъ, родственниковъ Шамиля, заново обмундировали, и тогда впервые мы могли стряхнуть съ себя, вмѣстѣ съ боевымъ пыломъ, и ту не поддающуюся описанію грязь, которая наслаялась на насъ въ теченіе 5—6 мѣс., протекшихъ со времени паденія Ведена<sup>1)</sup>. На этотъ разъ плѣннаго имама сопровождали, кромѣ 2-хъ нукеровъ, секретарь и полковникъ (въ качествѣ переводчика). Государь въ это время былъ на маневрахъ подъ

<sup>1)</sup> Достаточно сказать, что насъ просто заѣдали вши, такъ какъ у насъ не было лишняго бѣлья для перемѣны. Хотя у насъ и были деньги, но негдѣ было купить самыхъ необходимыхъ вещей.



Чугуевомъ<sup>1)</sup>), и здѣсь впервые былъ представленъ ему Шамиль. По прибытіи въ Петербургъ, онъ былъ принятъ и обласканъ Государыней Маріей Александровной. Бывшему властителю полудикаго Кавказа здѣсь были показаны сокровища европейской культуры и достопримѣчательности столицы, а черезъ двѣ недѣли онъ былъ водворенъ въ Калугѣ, избранной мѣстомъ его безвыѣзднаго пребыванія. Черезъ 2—3 мѣс. послѣ того, на Кавказъ былъ присланъ фельд-егеръ съ сыномъ Шамиля, съ предписаніемъ доставить туда же и всю семью имама.

Когда впоследствии (1870 г.) Государю благоугодно было отпустить «на честное слово» Шамиля въ Мекку съ семьей<sup>2)</sup>), мнѣ разрѣшено было сопровождать его до Истамбола<sup>3)</sup>); у моей же мачехи онъ и остановился, уклонившись отъ предложенія занять приготовленные для него апартаменты при русскомъ посольствѣ. Однако домъ моей мачехи оказался тѣснымъ для многочисленной семьи Шамиля (тутъ были и жены, и дочери, и зятья), а потому, по распоряженію турецкаго правительства, для него была снята помѣстительная квартира. Предварительно наведены были точныя справки, сколько расходовало на Шамиля русское правительство; въ такихъ же размѣрахъ стали отпускать и здѣсь, а именно: 6,000 р. на наемъ помѣщенія и 15,000 р. на содержаніе. Кромѣ того, къ услугамъ Шамиля и его семьи были предоставлены двѣ коляски, сопровождавшіяся двумя жандармскими офицерами. Несмотря на всѣ эти знаки вниманія, Шамиль однако не торопился съ аудіенціей у падишаха. Онъ говорилъ: «Что же, если прикажетъ, явлюсь къ султану». Наконецъ, торжествен-

<sup>1)</sup> То были, кажется, двухсторонніе маневры, ок. 15 сентября.

<sup>2)</sup> За исключеніемъ 2-хъ сыновей: Кази-Мухаммеда, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шефи, уже служившаго тогда въ конвое Его Величества. Захарьинъ, *ibidem*, стр. 383.

<sup>3)</sup> Турецкое названіе Константинополя.



ная аудіенція состоялась, по желанію Абдуль-Меджида. Когда имамы обмѣнялись обычными привѣтствіями и облобызали другъ у друга руки, султанъ въ умиленіи воскликнулъ: «Ты, Шамиль, для меня, какъ мой отецъ Махмудъ!». Погостивъ въ Истамболѣ, Шамиль продолжалъ путь къ намѣченной цѣли: султанъ далъ ему бесплатно пароходъ и возложилъ на египетскаго хедива почетную обязанность сопровождать его до Джедды; далѣе же до Мекки сопровождалъ его меккашерифъ. Хотя пребываніе Шамиля должно было быть здѣсь только временнымъ, тѣмъ не менѣе на средства турецкаго правительства для него былъ купленъ дворецъ за 9,000 турецкихъ лиръ<sup>1)</sup>).

Но не долго прожилъ здѣсь Шамиль, и не суждено ему было вернуться обратно въ Россію, во исполненіе слова, даннаго Государю: онъ умеръ въ Меккѣ 4 февраля 1871 г.<sup>2)</sup>“.

Сообщ. С. Шульгинъ.

1901 г.

<sup>1)</sup> Вѣрнѣе—этотъ дворецъ купленъ не въ Меккѣ, а въ Мединѣ.

<sup>2)</sup> О смерти Шамиля мы находимъ слѣдующія подробности въ не разъ цитованной нами статьѣ г. Захарьина, почерпнутыя авторомъ изъ устъ сына Шамиля Магомета-Шефи.

„Имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 г., свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 г., поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести ровнымъ шагомъ особый поводарь. Случилось, что въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другого, вслѣдствіе чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба подвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно разшибся. Караванъ тотчасъ же вернулся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же на кладбищѣ Джаннатъ-Эмъ-Баки“.



## Нѣкоторыя подробности путешествія мусульманъ Закатальскаго округа въ Мекку.

Самымъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни каждаго мусульманина является его путешествіе въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета. Это его мечта и вмѣстѣ съ тѣмъ высшій подвигъ, который онъ можетъ совершить въ земной жизни и который доставитъ ему вѣчное блаженство въ будущей. Посѣщеніемъ святаго города заслуживаетъ онъ себѣ прощеніе грѣховъ. Какъ бы мусульманинъ ни былъ бѣденъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ поклониться гробу великаго пророка, и если по какой-нибудь причинѣ ему не удалось привести въ исполненіе свой обѣтъ, то онъ завѣщаетъ своему сыну совершить этотъ подвигъ.

Такъ какъ путешествіе въ Мекку вообще трудное и сопряжено съ большими случайностями и опасностями, то вполне естественно, что богомольца-мусульманина, передъ поѣздкой въ священный городъ, посѣщаетъ мысль о смерти. Поэтому, прежде чѣмъ двинуться въ путь, онъ обезпечиваетъ матеріально свою семью и поручаетъ ее попеченію близкихъ родственниковъ; въ случаѣ его смерти, жена имѣетъ право выйти замужъ, обыкновенно за близкаго родственника мужа. Отправившійся въ путь считается какъ бы умершимъ.

Мусульмане относятся къ семьѣ такого человѣка съ большимъ уваженіемъ, и онъ, по возвращеніи изъ своего путешествія, получаетъ почетный титулъ «хаджи», т. е. святаго человѣка. Возвратившись изъ путешествія мусульманинъ вторично «женится» на своей женѣ.



Время путешествія въ Мекку оповѣщается «вѣстникомъ». Это обыкновенно старый «хаджи», т. е. мусульманинъ, уже побывавшій у гроба пророка. Со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ изображены луна и звѣзда, онъ обходитъ всю деревню и призываетъ всѣхъ правовѣрныхъ исполнить свой мусульманскій долгъ — отправиться на погребеніе гробу Магомета.

Отправляются богомольцы обыкновенно группами. Назначается день отъѣзда — и общій праздникъ для всей деревни. Богомольцамъ устраиваютъ угощеніе и затѣмъ торжественные проводы, въ которыхъ принимаетъ участіе вся деревня — мужчины и женщины, старики и молодые. Богатые ѣдутъ на фаэтонахъ, молодежь и бѣдный людъ — пѣшкомъ. Торжество и воодушевленіе — всеобщее. Окрестныя горы и ущелья оглашаются пѣніемъ религіозныхъ гимновъ фанатичной толпы, которая провожаетъ своихъ путешественниковъ за нѣсколько верстъ, до какого-нибудь ближайшаго мѣстечка. Путешествіе богомольцевъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. При этомъ если число ихъ не достигаетъ 40,000, то праздникъ общій или, вѣрнѣе сказать, молитва «намазъ» отменяется и переносится на другой годъ, а правовѣрные, болѣею частью, дожидаются праздника цѣлый годъ.

Наконецъ, распространяется вѣсть, что «хаджи» возвращаются. Среди мѣстнаго мусульманскаго населенія замѣчается оживленіе. Когда какая-нибудь группа богомольцевъ уже недалеко отъ своей родины, о нихъ опять возвѣщаетъ вѣстникъ со знаменемъ, съ которымъ онъ обходитъ всѣ мусульманскія семейства. Его всегда съ радостью богато задариваютъ.

Встрѣчать благополучно возвратившихся «хаджи» выходитъ вся деревня до какого-нибудь ближайшаго мѣстечка. Встрѣча ихъ еще торжественнѣе, чѣмъ проводы. Богомольцы, получившіе уже почетный титулъ «хаджи» и обыкновенно



выдѣляющіеся среди толпы своими бѣлыми «чалмами» (бѣлый платокъ, который покрываетъ наполовину его папаху снаружи), являются предметомъ шумныхъ и сердечныхъ овацій. Съ ними цѣлуются, имъ подносятъ подарки, и съ радостными криками, распѣвая религіозныя пѣсни, толпа возвращается въ деревню.

Учитель Кахскаго нормального  
2-класснаго училища *Георгій Парадовъ*.

1901 г. 28 сентября  
сел. Кахи.

---



содержащиеся среди толпы своей белизны «изящны» (об-  
щие пасторы, который порывался к покаянию, что не было  
судить, является предметом изучения и исследования ове-  
ния. С ним связаны, как подвиги подвиги, в се ра-  
достным образом, раскрывая различные стороны, то же возве-  
щение в деревню.

Затем, в начале ноября  
2-я половина января 1901 года

1901 г. 28 сентября  
с.с. Казн.

В 1901 году, в начале ноября  
2-я половина января 1901 года

В 1901 году, в начале ноября  
2-я половина января 1901 года



## ОТДѢЛЪ II.



И ГЛАГОЛ



## Предисловіе.

Четвертый отдѣлъ настоящаго выпуска составленъ преимущественно изъ образцовъ словесности обитателей сѣвернаго Кавказа. Сюда относятся 4 сказки горскихъ татаръ, 3 ингушскихъ сказки, 3 кабардинскихъ преданія, 6 чеченскихъ сказокъ и 14 легендъ и сказокъ, записанныхъ среди терскихъ казаковъ. Изъ общаго числа этихъ памятниковъ народнаго творчества 28 записаны г. Барановымъ, неутомимымъ собирателемъ памятниковъ народной словесности на сѣверномъ Кавказѣ, и только двѣ „У кого и на гору везеть, а у другого и подъ гору не двигается“ и „Долгъ платежомъ красенъ“, принадлежать другому лицу, Изм. Бекъ-Мутушеву. Вторая половина печатаемыхъ матеріаловъ, принадлежитъ народамъ, обитающимъ въ Закавказьѣ: грекамъ (6 сказокъ и 1 преданіе), ингилойцамъ (6 сказокъ), сванамъ (2 преданія объ Амиранѣ), имеретинамъ (то же) и грузинамъ (одно преданіе объ Амиранѣ).

Изъ печатаемыхъ образцовъ народной словесности большая часть появляется въ печати впервые, но нѣкоторые изъ нихъ (немногіе) представляютъ и перепечатку изъ другихъ изданій. Таковы изъ матеріаловъ, собранныхъ г. Барановымъ: „Какъ аукнется, такъ и откликнется“, „Золото“, „Хитрый дьячокъ“, „Можно ли судить другихъ“ и „Цыганёнокъ и баринъ“. Эти сказки были напечатаны раньше въ „Казбекѣ“ за 1899 годъ. Точно также и грузинское сказаніе объ Амиранѣ было обнародовано раньше въ газетѣ „Иверія“, на грузинскомъ языкѣ. Редакція нашла возможнымъ помѣстить на страницахъ „Сборника матеріаловъ“ эти памятники народной словесности въ виду малой распространенности поименованныхъ изданій, изъ коихъ послѣднее, кромѣ того, какъ уже сказано выше, издается на грузинскомъ языкѣ.

Относительно прочихъ печатаемыхъ статей редакція считаетъ нужнымъ сказать, что многіе мотивы, которые встрѣчаются въ нихъ, знакомы уже читателямъ „Сборника“ по предшествовавшимъ выпускамъ. Редакція печатала предлагаемыя статьи во вниманіе къ тому, что мотивы эти или являются въ новой обработкѣ и даютъ цѣнные въ томъ или другомъ отношеніи вариан-



ты, или, по крайней мѣрѣ, представляютъ передачу того или другого сказочнаго сюжета въ редакціи другой народности. Такъ, напр., „Кабардинское преданіе о пр. Магометѣ“ (стр. 49—54) представляетъ *кабардинскій* вариантъ того мотива, который раньше встрѣчаемъ въ *рачинской* редакціи, въ статьѣ: „Старикъ-нищій и три брата“ (XIII вып.), и въ *армянской* редакціи, подъ заглавіемъ: „Три юноши“ (в. VII) и „Преданіе о Господѣ нашемъ І.-Христѣ“ (XXVIII в.). Подобно этому *ингилойская* сказка: „Человѣкъ и левъ“ (стр. 131—132) служитъ вариантомъ *айсорской* сказки: „Человѣкъ и звѣря себѣ покоряетъ“ (вып. XX, о. 2, стр. 88—91). Въ нѣкоторыхъ изъ печатаемыхъ нами сказокъ попадаются детали, которыя повторяютъ или части прежде-напечатанныхъ сказокъ, или и главные мотивы ихъ. Такъ, въ *ингилойской* сказкѣ: „Старый волкъ“ (стр. 132—134) повторяется мотивъ *кюринской* сказочки: „Волкъ, лиса и катеръ“ (вып. XIV, 2, 188—189); въ *греческой* сказкѣ: „Сонъ царевича“ (116—122) встрѣчаемъ, по странной случайности, тотъ же мотивъ, какъ въ *сванетской* сказкѣ: „Амиранъ, Висибъ и Бадри“ (X вып., о. III, стр. 6—11),—отыскиваніе глазъ мнимыхъ родителей.

Во всякомъ случаѣ большинство печатаемыхъ статей отличается новизною и многія изъ сказокъ дышатъ остроуміемъ и непосредственностью народнаго творчества.

Пять заключительныхъ картвельскихъ сказаній объ Амиранѣ дополняютъ довольно большой циклъ кавказскихъ былинъ, относящихся къ этому мифическому герою, напечатанныхъ разновременно въ прежде-изданныхъ выпускахъ „Сборника матеріаловъ“ \*).

Директоръ Тифлисской 3-ей женской гимназіи

А. Богоявленскій.

\*) Смотри вып. XX<sup>I</sup>, отд. 2, стр. 91—95: „Амиранъ“ (о томъ, какъ пастухъ пытался спасти Амирана); XVII в.: „Повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда“ (стр. 135), гдѣ много данныхъ, совпадающихъ съ предлагаемыми въ настоящемъ выпускѣ легендами; XIII вып.: „Абрекиль“ (стр. 34 и д.); въ этой статьѣ излагаются абхазскія преданія объ Амиранѣ; X вып., о. 3, стр. 6 и д.: „Амиранъ, Висибъ и Бадри“, и далѣе, стр. 47—49 „Амиранъ“; въ VII вып., о. 2, стр. 20 „Какъ Амиранъ перебилъ великановъ“ и во II вып., о. 2, стр. 158: „Народная былина объ Амиранѣ“.



## УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ

(мотивовъ), встрѣчающихся въ сказкахъ, преданіяхъ и легендахъ  
4-го отдѣла.

Аулъ, построенный на ляжкѣ бугая (3).  
Баранъ, одурачившій волка (57). Баринъ, одураченный цыганенкомъ и кучеромъ (104—106). Баиня—жилище богатыря (4; 18).... жилище красавицы (161).... безъ дверей (152).... хрустальная, замкнутая (159). Битье по пяткамъ для получения денегъ (111). Богатырь, сокрушающій скалы (32).... пастухъ, сажающій стрѣлка къ себѣ въ ротъ, на сломанный зубъ (33). Богатырская ѣда (158). Борьба, выражающаяся всаживаніемъ противника въ землю (24). Бугай, (2). Бычокъ (114). Бѣдный мужикъ тщетно проситъ взаймы (82). Веретено въ качествѣ оружія у дѣвушекъ (139). Вино диковинное (146). Висѣлица, какъ орудіе казни (127). Вода замѣняющая керосинъ (122).... золотая и серебряная (120). Война есть безуміе (63). Волкъ, одураченный бараномъ (57 и д.).... лисой (113).... бараномъ, конемъ и осломъ (133). Волкъ, обманомъ пожирающій козлятъ (134 и 135). Волосы, безъ коихъ не можетъ жить красавица (142). Вопросъ, мудрый (2). Воробей—нахаль недогадливый (135—7). Воровство, какъ добродѣтель (31; 60 и д.).... очень ловкое (102—103). Воронъ, достающій пищу Амирану (166).... хитрая птица (130). Встрѣчи съ табунщикомъ (16)... съ пастухомъ, пасущимъ скотъ (17).... пасущимъ баранту и козъ (18)... съ пастухами богатырей Таріела и Ивлиана (148—149). Вызываніе Бога на борьбу съ собою (145; 165). Выкапываніе у великана глаза, для спасенія своей жизни (21; 35). Вѣдьма, лишающая зрѣнія (118 и д.). Вѣстники (38). Горный духъ (43). Гостепріимство (16 и д.; 23; 29 и д.; 33; 51—53; 67 и д.; 149). Деви, дѣлающійся жертвою своей глупости (161); девъ девятиглавый (144);... намѣревающийся съѣсть мертвеца (152);....

- нападающій на сиротъ (158);... неуклюжій (159). *Деньги*, взятые въ гробъ (77). *Дивныя* явленія (78). *Диковинные* предметы: *вино*, никогда не истощающееся (146); *вода*, замѣняющая керосинъ (122); *дерево* сухое, давшее вѣтки (128); *дичь* оживающая (4); *драконъ* окаменѣлый (166); *кольцо*, издающее звуки (22); *краны*, изъ которыхъ струится золото и серебро (120); *лопатка*, замѣняющая лодку (90); *лѣкарство*, оживляющее мертвецовъ (88 и д.); *овечья* шерсть, выплывающая изъ озера (42); *пѣсъ*, рожденный отъ ворона (166); *пѣтухъ*, выпивающій рѣку и проглатывающій живьемъ волка, медвѣдя и лису, а также и множество золотыхъ монетъ (110—111); *посуда*, летающая (162); *трава*, оживляющая животныхъ и человѣка (151 и 163); *черепъ* человѣческій, внутри котораго помѣстились семеро богатырей (34). *Долговременное* бездѣтство (145). *Драконъ* окаменѣлый (166). *Дѣвица* чудной красоты, встрѣчающая гостя (18). *Дятель*—трусливая и довѣрчивая птица (130).
- Жадность** наказанная (8 и д.). *Женитьба* на сестрѣ (121). *Женищина*—богатырь (3);... колдунья (5);... умерщвляетъ мужей въ первую ночь;... слабѣйшее сравнительно съ мужчиной существо (32);... хитрое существо (95 и д.). *Жестокость* (46). *Журавль* (55).
- Завѣщаніе** Цамцума (159). *Змѣй* (114). *Золотыя* времена (144). *Зубъ* золотой (158).
- Игра** въ альчики (27). *Избѣженіе* враговъ (47). *Искусство* воровать (60 и д.);... врать, какъ достоинство (10). *Исполненіе* желаній (50—51).
- Кисель**, какъ приманка для дѣтей (8). *Китъ*, разрѣшающій братъ воду изъ источника (153). *Князь*, одураченный воромъ (60 и д.). *Коза* (134). *Козель* (2);... дикій (4);... желтоголовый (21). *Козлятки* (134). *Колдунья*, владѣющая стадомъ чудо-коней (раши) (149). *Кольцо*, издающее звуки и не снимающееся съ пальца (22). *Кони*, летающіе по поднебесью (120). *Кости* дочери, полученныя жадною и злою мачехой вмѣсто дочери (140). *Котъ* (131). *Красавица* въ пропасти на горѣ Эльбрусъ (141);... невиданная (152);... приносимая въ жертву Киту (153);... заморская (155); ...



- „Камарь“, на мытье платья которой расходуется 7 кусков мыла и 7 кокъ воды (160). *Красота* неотризимая (126). *Кръпость*, появляющаяся по молитвѣ героя (151).
- Левъ* — недогадливое животное (131). *Лисица* (3; 55; 58; 107; 112; 113; 115; 129 и д.). *Лопатка*, замѣняющая лодку (90). *Лошадь* летающая (155). *Лошадиное* мясо, какъ пища эмегеновъ (2). *Людотѣдъ*—одноглазъ (35). *Людотѣдство* у эмегеновъ (2).
- Мачеха* злая (138 и д.). *Медаль* золотая, служащая знакомъ царскаго происхожденія (125). *Медвѣдь* (112). *Местъ* изъ ревности (142);... какъ обычай (2; 30; 48; 56). *Мечъ* саморубъ (25). *Милостыня* съ цѣлью обогатиться (85). *Молитва*, заставляющая палку зацвѣсти. *Молотѣба* на оборотняхъ (4). *Морской* царь (155). *Мудрость* въ рѣшеніи судебныхныхъ дѣлъ (36 и д.). *Мышь*, показывающая средство для оживленія мертвеца (151; 163).
- Наказаніе* Амирану за дерзость (146; 165);... за нарушеніе слова (144). *Нарты* (1). *Нарушеніе* слова ведетъ къ гибели (142 и д.). *Неблагодарность* одобряется (115 и д.). *Неудачи* (37 и 38; 64 и 65). *Ницкій*—слѣпецъ (94). *Ноги* не обрѣзываются въ первые четыре дня недѣли (144). *Ножикъ*, какъ орудіе спасенія (138; 154 и 161). *Нѣмые* слуги (каджи) (150).
- Оборотень*—баранъ златорунный (44);... быкъ и корова (4);... жеребецъ (5);... ишаки (4);... лань (16);... олень съ вѣтвистыми рогами (159);... собака (6);... филинъ (7). *Обуръ* (7). *Овечья* шерсть, vyplывающая со дна озера (42). *Огонь*, изрыгаемый матерью дева (53). *Одноглазый* великанъ (34). *Орелъ* (2). *Осужденіе* другихъ не одобряется (99). *Отрубаніе* головы у побѣжденнаго (24; 31). *Охота* (153; 158). *Охотникъ* (4; 16). *Охотники* (1).
- Пастухъ*—великанъ (2). *Переряживаніе* воровъ ангелами (103). *Пещера*—жилище эмегена (1; 19). *Пилиримство* (66). *Побратимство* (155). *Покупаніе* невѣсты (123). *Посуда* летающая (162). *Похлѣбка* для возбужденія рвоты (111). *Превращенія*: богатыря Магомета въ бѣлую собаку (6);... въ сѣраго и чернаго жеребца (5 и 6);... въ филина (7);... быка и коровы въ ишаковъ (4);... дѣвицы въ лань (26);...



- денегъ въ уголь (78);.... крови въ ребенка (156);.... филина въ человѣка (8);.... шашлыка въ дикаго козла (4)... въ лань (16);... червя въ дракона (160). *Птичка*, стерегущая Амирана (147). *Пьтухъ*, выпивающій рѣку, проглатывающій волка, медвѣдя и лису и множество золотыхъ монетъ и обогащающій своего хозяина (110 и д.).
- Работоторовля* (68 и 69). *Разсказъ* о самомъ невѣроятномъ случаѣ (9). *Раши*—говорящій конь (143);.... огненный (149). *Росписка*, писанная кровью (83).
- Самоубійство* съ горя (163). „*Свѣтъ*“ очей, хранимый въ кувшинчикахъ (119). *Скорородъ* (16). *Слёзы*, какъ средство разбудить героя (153 и д.). *Слоновая кость*, покрывающая голову (151; 156). *Служба* по найму (86 и д.). *Смѣлые супруги* (117). *Сонъ* вѣщій (116 и д.). *Спасеніе* отъ людоѣда съ помощью козла (21 и 22; 35). *Споръ* изъ-за бараньей почки (37). *Старость* даетъ право на почетъ (2).
- Теленокъ* (3). *Трава*, оживляющая животныхъ и человѣка.
- Увозъ* невѣсты (31). *Уощеніе*, какъ обычай (2 и 20).
- Хитрость* женщины (95—97);.... лисы (113—114; 115—116; 129 и д.). *Хитрый дьячокъ* (97 и д.);.... цыганёнокъ (104 и д.). *Хлѣбъ*, изъ котораго вытекла кровь, и хлѣбъ, изъ котораго вытекло молоко (146).
- Царевичъ* подъ видомъ торговца (125). *Цыганъ* жадный, одуроченный богатомъ-кумомъ (79);.... лѣнтяй и дармоѣдъ, набазанный своимъ кумомъ (91 и д.). *Цыганёнокъ*, ловко обманывающій самонадѣяннаго барина (104 и д.).
- Человѣкъ* (114). *Черви*, выползающіе изъ головы убитаго дева (160). *Черепъ* человѣческій, исполинскій, вмѣщающій семерыхъ богатырей (34). *Чортъ*, одуроченный бѣднякомъ (83 и д.). *Чудодѣйственные* предметы и явленія: голосъ во время сна (25); кольцо звучащее и неснимаемое (22); мечъ саморубъ (25); плеть, совершающая превращенія (5 и д.); *Чумы* происхожденіе (75). *Лькарство* (88; 89).
- Шакалъ* (112). *Шашлыкъ* чудесный (4).
- Эмегенъ* (1; 16 и д.).
- Яблоко*—орудіе соблазна (138). *Явленія* природы, сопровождающія движеніе погони за Амираномъ (150; 162); *Яицъ* красныхъ происхожденіе (74).



## УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ въ сказкахъ, преданіяхъ и легендахъ 4-го  
отдѣла.

*Автандилъ* ('48). *Адамъ* (99). *Алетская гора* (159). *Ам*, Со-  
куръ (16 и д.). *Амбрій* (164). *Амиранъ* (142; 145; 148;  
152; 158 и д.). *Атажукінъ* кн. (45; 47). *Ауръ-Сетхъ*, горн.  
хреб. (48). *Ашабовъ*, Менчакъ (49).

*Бадри* (152; 158). *Баксанъ*, рѣка (45). *Балкарія*, *Балкарское об-*  
*щество* (41 и 43). *Большая Кабарда* (4). *Баталь-паша* (45).  
*Весмзевулъ* (73).

*Гази* (27). *Георгій*, святой (142). *Гереты*, гора (166). *Гилях-*  
*станъ* (1).

*Дареджана* (158). *Дареджіани*, кузнецъ (141). *Джинъ*, царь (148).  
*Ева* (99).

*Ивліанъ* (149). *Ири* (161). *Исусъ Христосъ* (142; 148; 165 и д.).  
*Илья*, святой (154). *Индырбаевъ*, Магометъ (4 и д.). *Иу-*  
*да* (72).

*Кабарда* (48; 49). *Кабарда Большая* (41). *Кавказскія горы* (145).  
*Казбекъ*, гора (166). *Камаръ* (159). *Клармовы* (47). *Кинжалъ-*  
*Иналъ* (48). *Кичъ-Малка* (48). *Константинополь* (68). *Крымъ*  
(49). *Кутаисъ* (145).

*Магометъ Индырбаевъ* (4);.... пророкъ (49). *Мекка* (66). *Менчакъ*  
*Ашабовъ* (49). *Мкинвари*, гора (166). *Мхарірдези* (163).

*Нальчикъ* (4; 75). *Нестанъ-Дареджана* (148).

*Олдомъ*, князь (27).

*Персія* (128). *Придонъ* (148).

*Рачинскія горы* (145). *Рачкау* (1). *Ріонъ*, рѣка (145). *Россія*  
(128). *Руставели* (148).

*Сванетія* (144). *Сокуръ-Али* (16 и д.). *Стамбулъ* (28). *Сулкал-*  
*махъ* (158).

*Тамара* (148). *Таріэлъ* (148). *Тото* (32 и д.). *Троицкая станица* (75).  
*Уситъ* (158).

*Фатьманъ* (148).

*Хони* (145). *Христосъ* (73 и 74);.... въ видѣ странника (145; 148).

Цамиумъ, усоншій (159). Цхенись-Цхали, рѣка (145).

Чабалхеты (158). Чегемъ (45). Чегемское общество (4). Черекъ, рѣка (41). Черное море (148; 149). Чечня (65). Чурикъ-Кѣль, озеро (41).

Шабельчи (1). Шахъ-Аббасъ (122 и д.). Шатой, укрѣпл. (65).

Эльбрусъ, гора (14; 141).

Юсунъ (152).

Ялбузъ (141).

А. Б.

### Замѣченные опечатки.

| Страница. | Строка<br>сверху снизу. |    | Напечатано. | Слѣдуетъ читать. |
|-----------|-------------------------|----|-------------|------------------|
| 30        | 14                      | —  | всадникъ    | всадникъ         |
| 34        | 10                      | —  | и гордись   | и не гордись     |
| 84        | —                       | 9  | Жди когда   | Жди, когда       |
| 85        | —                       | 6  | Онъ         | онъ              |
| 110       | —                       | 10 | земи        | земли            |
| 111       | 3                       | —  | пѣтушинный  | пѣтушиный        |
| —         | —                       | 1  | Очень       | очень            |
| 163       | —                       | 5  | башмачекъ   | башмачокъ        |



## СКАЗКИ ГОРСКИХЪ ТАТАРЪ.

### 1. Кто сильнѣе?

Однажды четверо нартѣвъ, Шабельчи, Рачкау, Гиляхстанъ и Сосруко поѣхали на лошадяхъ въ лѣсъ. Завидѣли они, что изъ чащи лѣсной поднимаются къ небу клубы дыма, и захотѣлось имъ узнать, кто живетъ въ этомъ лѣсу. Направились они къ тому мѣсту, откуда былъ видѣнъ дымъ. Подъѣзжаютъ они къ громадной пещерѣ и видятъ, — четыре эмегена \*) грѣются около костра.

— „Здравствуйте, эмегены!“ проговорили нарты.

— „А, здравствуйте, охотники!“ весело отвѣчали эмегены. „Просимъ васъ пожаловать къ намъ въ гости“. И эмегены поспѣшили окружить нартѣвъ.

Не по душѣ было нартамъ приглашеніе эмегеновъ, но они приняли его: все равно убѣжать отъ нихъ имъ не представлялось никакой возможности. Въѣхали нарты въ пещеру, слѣзли съ лошадей, а эмегены завалили входъ въ нее скалами. Пригласили эмегены гостей садиться на камни, разставленные около одной изъ стѣнъ пещеры. Шабельчи, Рачкау и Гиляхстанъ сѣли на камни и не могли встать съ нихъ, точно приросли къ нимъ. Только одинъ Сосруко не садился, какъ эмегены его ни упрашивали: онъ ссылаясь

---

\*) Мнѣическія существа: одноглазые исполины, обладающіе сверхъестественною силою. Подробное объясненіе этого слова см. въ XXIII вып. „Сборника для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ (отд. III, стр. 45). *Ред.*

на то, что онъ моложе всѣхъ, и сидѣть въ присутствіи старшихъ ему, по обычаю, нельзя. Зарѣзали эмегены большого козла, зажарили и угостили гостей. Закусили гости и улеглись спать; легли и хозяева.

На утро эмегены говорятъ нартамъ:

— „Мы васъ угощали,—теперь вы угощайте насъ. Будемъ чередоваться: одинъ день мы будемъ васъ угощать, а другой—вы насъ“.

Нечего было дѣлать нартамъ; зарѣзали они лошадь и угостили эмегеновъ, а на слѣдующій день эмегены—ихъ.

Въ очень короткое время поѣли эмегены лошадей нартовъ и говорятъ имъ:

— „Такъ какъ лошадей у васъ нѣтъ, а безъ пищи мы не можемъ быть, то рѣжьте одного изъ своихъ товарищей и угощайте насъ“.

И, не дождавшись, когда нарты зарѣжутъ одного изъ своихъ товарищей, эмегены схватили Шабельчи и приготовились рѣзать его. Тогда Сосруко сказалъ имъ:

— „Обождите немного, эмегены. Я долженъ вамъ сказать, что зашли мы къ вамъ не случайно. Насъ послали къ вамъ нарты, чтобы вы разрѣшили одинъ вопросъ. Слушайте внимательно. Былъ у насъ такой большой бугай, что задними ногами стоялъ въ морѣ, а передними на дугу. Прилетѣлъ орелъ, схватилъ этого бугая и унесъ его вверхъ (Боишься ли ты, Шабельчи?—спросилъ Сосруко, давая этимъ знать своему товарищу, чтобы тотъ не опасался за свою участь). Пасся въ степи козель; принесъ орелъ бугая и положилъ на рога этому козлу; козель, не чувствуя тяжести на рогахъ, по прежнему спокойно продолжалъ щипать траву. Пошелъ дождь, и пастухъ укрылся отъ него подъ бородой козла. Началъ орелъ ѣсть бугая и уронилъ ляжку его, которая попала прямо въ глазъ пастуху. Пастухъ же подумалъ, что въ его глазъ попала маленькая соринка. Пришелъ



онъ домой и попросилъ двухъ своихъ товарищей вынести изъ глаза эту соринку (Боишься-ли ты, Шабельчи?—опять спросилъ Сосруко своего товарища). Взяли товарищи метлу и лопату и выбросили изъ глаза пастуха ляжку бугая, которая отъ паденія глубоко закопалась въ землю. Со временемъ на этой ляжкѣ поселился аулъ нартовъ. Однажды ночью пробралась лисица къ этому аулу, раскопала землю и потащила ляжку бугая, отъ чего половина аула опрокинулась, сакли разрушились, и много нартовъ погибло подъ ихъ развалинами. Всполошились удѣлѣвшіе нарты и кинулись въ погоню за лисицей; догнали и убили ее. Сняли они съ одного бока лисицы шкуру и изъ нея въ теченіе года всеѣмъ родившимся дѣтямъ шили шапки. Другой же бокъ лисицы оставался не ободраннымъ, потому что лисица была такъ громадна, что все нарты не могли перевернуть ее. Однажды одна женщина выгнала въ степь пасти теленка и увидѣла трупъ лисицы. „Надо содрать шкуру съ этой лисицы, изъ нея я шапку сошью для своего сына“, подумала эта женщина и веретеномъ повернула лисицу на другой бокъ и сняла съ нея шкуру. Но этой шкуры не хватило на шапку ея сыну (Боишься-ли ты, Шабельчи?). Съ тѣхъ поръ нарты собираются вмѣстѣ и никакъ не могутъ рѣшить, кто сильнѣе: бугай, орелъ, козелъ, пастухъ, лисица, женщина, или ея сынъ? Вотъ они и поручили намъ попросить васъ разрѣшить ихъ споръ. Рѣшите его, если можете!“ закончилъ свою рѣчь Сосруко.

Заспорили между собой эмегены: одинъ говорилъ, что сильнѣе всеѣхъ бугай, другой—козелъ, третій—лисица, четвертый—женщина. Спорили-спорили,—затѣяли между собой драку, въ которой и поубивали другъ друга камнями. Нарты же, забравъ изъ пещеры эмегеновъ все ихъ имущество, благополучно возвратились домой.

## 2. Магометъ Индырбаевъ.

Убилъ охотникъ въ лѣсу дикаго козла, освѣжевалъ его, вырѣзалъ изъ него лучший кусокъ мяса и принялся жарить шашлыкъ. Когда шашлыкъ былъ готовъ, охотникъ проговорилъ: „Бисмиллахъ!“ \*) и хотѣлъ-было кушать его; но вдругъ шашлыкъ соскочилъ съ вертела, превратился въ сырое мясо, которое приросло къ тому мѣсту, откуда оно было вырѣзано; шкура накрыла козла, и онъ, вскочивъ на ноги, отбѣжалъ отъ охотника. Охотникъ очень удивился: сколько лѣтъ онъ охотился, а такого чуда никогда не видывалъ.

— „Не удивляйся!“ сказалъ ему козелъ человѣчьимъ голосомъ. „Иди къ Магомету Индырбаеву, онъ расскажетъ тебѣ еще болѣе непостижимое!“

Пошелъ охотникъ разыскивать Магомета Индырбаева, долго его искалъ и, наконецъ, пришелъ въ Чегемское общество. На солнечной сторонѣ ущелья былъ расположенъ аулъ. Охотникъ спросилъ у встрѣтившихся ему жителей, не знаетъ ли кто изъ нихъ, гдѣ живетъ Магометъ Индырбаевъ. Ему указали на башню, одиноко стоявшую по другую сторону ущелья. Направился охотникъ къ этой башнѣ и увидѣлъ на току человѣка, который съ помощью коровы и быка обмолачивалъ ячмень. Подошелъ онъ ближе къ этому человѣку, поздоровался съ нимъ и спросилъ, не онъ ли Магометъ Индырбаевъ.

— „Да, я“, отвѣтилъ человѣкъ, „подожди немного, я вотъ окончу обмолачивать, и тогда пойдемъ ко мнѣ въ башню“.

Кончивъ обмолачивать ячмень, Магометъ взялъ шесть кожаныхъ мѣшковъ и четыре изъ нихъ наполнилъ чистымъ, вывѣяннымъ, зерномъ, а два—мякиной. Затѣмъ онъ ударилъ плетью быка и корову, и они превратились въ ишаковъ:

\*) „Бисмиллахъ!“—благослови Боже! Эту молитву магометане всегда говорятъ, приступая къ ѣдѣ, къ убою скота и т. п. *Собиратель.*



жорова—въ самку, а быкъ—въ самца. Взвалилъ на нихъ Магометъ по три мѣшка: два мѣшка, съ чистымъ зерномъ, онъ положилъ на спину, а третій, съ мякиной, привязалъ подъ брюхо, такъ что ишакамъ было очень трудно итти, и до самой башни не переставалъ бить ихъ толстою палкой. Подлѣ башни стояло глубокое, зловонное болото. Магометъ снялъ съ ишаковъ мѣшки съ чистымъ зерномъ, взялъ толстый колъ и загналъ имъ въ болото ишаковъ, которые провалились внизъ вмѣстѣ съ мѣшками мякины. Охотникъ очень удивился всему видѣнному и спросилъ Магомета, что все это значить.

— „Пойдемъ въ башню, тамъ я тебѣ расскажу много интереснаго“, отвѣтилъ Магометъ.

Угостилъ онъ гостя шашлыкомъ и началъ рассказывать ему слѣдующее:

— „Раньше, какъ и теперь, одиноко жилъ Магометъ въ своей башнѣ; скучно ему стало, онъ и задумалъ жениться. Жила въ аулѣ одна красивая женщина. Она уже три раза выходила замужъ, но въ первую же брачную ночь ея мужа умирали не извѣстно отъ чего. Зналъ объ этомъ и Магометъ, но нисколько не убоился посвататься за красавицу, которая охотно согласилась вытти за него замужъ. Женился Магометъ, и въ первую же ночь, когда онъ собирался лечь въ постель, въ дверь башни кто-то со двора сильно постучалъ и крикнулъ: „отвори!“. Желая узнать, кто тамъ стучить въ такую позднюю пору, Магометъ отворилъ дверь. Въ башню вошелъ какой-то незнакомецъ, ударилъ плетью Магомета, и Магометъ превратился въ сѣраго жеребца. Съѣлъ незнакомецъ на жеребца и принялся скакать на немъ по горамъ. Измучивъ скакуна, онъ привязалъ его на дворѣ, а самъ вошелъ въ башню. Утромъ, уходя изъ башни, незнакомецъ снова ударилъ жеребца плетью, и тотъ опять сталъ Магометомъ Индырбаевымъ. Пришли къ Магомету его род-

ственники изъ аула и, увидѣвъ его живымъ, обрадовались и начали веселиться. О томъ же, что случилось ночью, Магометъ никому ни слова не сказалъ. На слѣдующую ночь опять послышался стукъ въ дверь и крикъ: „отвори“. Когда Магометъ отворилъ дверь, тотъ человѣкъ ударилъ его плетью, и онъ сдѣлался чернымъ жеребцомъ. Съ этимъ жеребцомъ произошло то же, что и съ сѣрымъ въ прошлую ночь. Магометъ объ этомъ опять никому не сказалъ. На третью ночь онъ уже самъ поджидалъ незнакомца. Заслышавъ стукъ, Магометъ отворилъ дверь и, только что въ башню вошелъ незнакомецъ, какъ Магометъ всадилъ ему кинжалъ въ животъ. Жена же Магомета схватила плетъ и ударила ею мужа, который сдѣлался бѣлою собакой; затѣмъ ударила плетью неизвѣстнаго, и онъ исцѣлился отъ раны. Магометъ, превращенный въ собаку, побѣждалъ, куда глаза глядятъ. Бѣжить онъ и видитъ,—пастухъ баранту пасетъ; подбѣгаетъ къ нему. Понравилась пастуху собака. Онъ подумалъ: „Вотъ хорошая собака; надо ее прикармливать, пусть она останется у меня“. Но тутъ другія собаки пастуха накинулись на Магомета и начали грызться съ нимъ. Магометъ перегрызъ всѣхъ собакъ; тогда пастухъ разсердился и палкой прогналъ его съ коша\*). Побѣждалъ Магометъ дальше. Видитъ старика, пасущаго молодыхъ барашковъ; прибѣжалъ Магометъ къ нему.

Старикъ налилъ въ корыто, изъ котораго ѣдятъ собаки, айрана\*\*), но Магометъ не сталъ его ѣсть, точно также не сталъ онъ ѣсть и сырого мяса, которое бросилъ ему старикъ. Пастухъ удивился. „Что это за собака?“ подумалъ онъ, „не ѣстъ изъ корыта айрана, не трогаетъ сырого мяса“. Далъ пастухъ Магомету варенаго мяса; онъ съѣлъ его,

\*) Кошъ—мѣсто вдали отъ селенія, среди кочевья, гдѣ складывается запасъ сѣна на зимнее время и друг. запасы; нѣчто вродѣ хутора.

\*\*) Айранъ—напитокъ, приготовляемый въ горахъ изъ кислаго молока.



а также напился молока изъ чашки. „О, эта собака умная“, рѣшилъ старикъ. Ночью легъ старикъ спать, рядомъ съ нимъ легъ и Магометъ. Пришелъ волкъ и утащилъ одного барашка. Магометъ погнался за нимъ, поймалъ и приволокъ его вмѣстѣ съ барашкомъ къ пастуху. Проснулся пастухъ, убилъ волка, а Магомета приласкалъ. Скоро распространился слухъ, что у старика-пастуха есть такая умная собака, которая понимаетъ рѣчь человѣческую. Въ одномъ селеніи жилъ ханъ, къ дочери котораго по ночамъ являлся „обуръ“ \* и душилъ ее. Услышавъ о собакѣ пастуха, ханъ рѣшилъ пріобрѣсти ее для охраны своей дочери. Пріѣхалъ онъ на кошъ пастуха и отобралъ у него собаку. Поселился Магометъ въ домѣ хана, и въ первую ночь, когда черезъ трубу въ саклю спустился обуръ, онъ схватилъ его.

— „Отпусти меня, Магометъ“, сказалъ обуръ. „Я тебѣ большую услугу окажу послѣ. Ханскую же дочь я съ этой ночи оставляю въ покоѣ“.

Повѣрилъ Магометъ обуру и отпустилъ его на волю. Несказанно обрадовались ханъ и дочь, что избавились отъ ночныхъ посѣщеній обура; Магомета ласкали и кормили отборными кушаньями.

Заскучалъ Магометъ по своему дому и однажды убѣжалъ отъ хана. Подбѣгаетъ онъ къ своей башнѣ, видитъ, что на порогѣ ея сидитъ его жена и прядетъ шерсть. Увидѣла она Магомета, зоветъ его къ себѣ. Магометъ, вообразивъ, что она сжалилась надъ нимъ и опять превратитъ его въ человѣка, довѣрчиво приблизился къ ней. Жена же ударила его плетью, и онъ превратился въ филина. Полетѣлъ Магометъ, куда глаза глядятъ. Долго онъ леталъ, наконецъ сѣлъ на току, на копнѣ ячменя, отдохнуть. Завидѣли его двое мальчишекъ, подкрались и перешлиблему камнемъ

\*) „Обуръ“—мнѣическое существо, вродѣ вѣдьмы. См. подробное объясненіе въ XXIII вып. „Сборника“ (отд. III, стр. 46 и 47). *Ред.*

крыло, а затѣмъ схватили и понесли его въ ауль. По дорогѣ встрѣтилась имъ женщина, шедшая съ ведрами по воду.

— „Отдайте мнѣ этого филина, а я васъ за него киселемъ накормлю“, сказала эта женщина мальчишкамъ.

— „Не хотимъ мы твоего киселя“, отвѣтили мальчишки. „Развѣ мы бабы, что станемъ его ѣсть!“ \*)

Однако, когда женщина пообѣщала побольше прибавить въ кисель меду, мальчишки отдали ей филина. По уходѣ мальчишекъ, женщина сказала:

— „Ну, филинъ, узнаешь ли ты меня? Я тотъ самый обуръ, котораго ты, будучи собакой, поймалъ у ханской дочери; но не горюй,—я помогу тебѣ сдѣлаться человѣкомъ; только сначала надо залѣчить твое крыло“.

Прожилъ Магометъ у женщины цѣлый мѣсяцъ; крыло его зажило, и онъ сталъ снова летать.

— „Слушай, Магометъ“, сказала ему старуха, „я научу, какъ тебѣ опять сдѣлаться человѣкомъ. Лети ты въ свой ауль, дождись ночи и черезъ трубу спустишься въ башню. Твоя жена и тотъ человѣкъ, который живетъ съ ней, будутъ спать. Плеть, которою они тебя били, виситъ у ихъ изголовья. Ты потришь о плетъ, и превратишься въ человѣка, только не забудь немедленно взять плетъ и ударить ею жену и ея любовника: они обратятся въ тѣхъ животныхъ, въ какихъ ты захочешь“.

Полетѣлъ Магометъ въ свой ауль, дождался ночи и черезъ трубу спустился въ башню. Жена его съ любовникомъ уже спали. Плетъ висѣла у ихъ изголовья и блестѣла, какъ золото. Потерся Магометъ о плетъ и сталъ человѣкомъ. Проснувшаяся жена и ея любовникъ кинулись къ плети, но Магометъ уже успѣлъ схватить ее.

\*) Кисель, по-горски „какъ“, готовится изъ ячменной муки на коровьемъ маслѣ и меду. Обыкновенно онъ составляетъ необходимое кушанье женщинъ, при появленіи на свѣтъ ребенка.



— „Будьте вы ишаками!“ сказалъ онъ, ударивъ жену и любовника ея плетью, и они обратились въ ишаковъ.

— „Теперь я каждый день мучаю ихъ за все то, что мнѣ пришлось претерпѣть отъ нихъ“, закончилъ свой рассказъ Магометъ Индырбаевъ.

### 3. „Глупый“ человѣкъ \*).

Жилъ на свѣтѣ одинъ ханъ. Онъ считалъ себя очень умнымъ человѣкомъ, а остальныхъ людей глупцами. Желая испытать, насколько въ сравненіи съ нимъ люди глупы, онъ однажды, черезъ своихъ рабовъ объявилъ, что если найдетъ такой человѣкъ, который сумѣетъ рассказать ему о самомъ невѣроятномъ случаѣ въ мірѣ, тому онъ отдастъ въ жены свою единственную дочь-красавицу. Ханъ былъ убѣжденъ, что такого человѣка среди народа не найдетъ. Каждый, кто заявилъ бы желаніе потягаться съ умнымъ ханомъ смышленостью и не смогъ бы рассказать чегонибудь такого, что ханъ призналъ бы невозможнымъ, онъ рѣшилъ наказывать смертною казнью.

Охотниковъ похвастать умомъ являлось много, но ни одинъ изъ нихъ не могъ угодить своимъ рассказомъ хану, и всѣхъ ихъ постигала одинакая участь: по приказанію хана, имъ снимали головы съ плечъ. Такимъ образомъ казнены были уже тысяча человѣкъ.

Жилъ въ томъ же селеніи, въ которомъ имѣлъ свою резиденцію ханъ, одинъ старый человѣкъ съ тремя сыновьями. Однажды младшій изъ братьевъ предложилъ старшимъ пойти къ хану испытать счастья,—не удастся ли имъ рассказать что-нибудь самое невѣроятное хану и завладѣть его дочкой.

---

\*) Записана въ Нальчикскомъ округѣ.

Братья сначала не соглашались принять предложение младшего брата, но затѣмъ тотъ сумѣлъ такъ уговорить ихъ, что они согласились. Приходятъ трое братьевъ къ хану. Увидѣвъ ихъ ханъ и засмѣялся.

— „Что?“ спрашиваетъ онъ, „должно быть, вамъ надоѣло носить свои головы на плечахъ?! А ну, послушаемъ вашихъ разсказовъ. Начинай, кто старшій изъ васъ!“

Старшій братъ сказалъ:

— „Однажды я поѣхалъ на охоту; увидѣвъ тура, выстрѣлилъ въ него изъ ружья и пулей пробилъ ему правую заднюю ногу, правое ухо и правый рогъ. Вотъ и все, что я хотѣлъ тебѣ разсказать“.

Засмѣялся ханъ и сказалъ:

— „Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ твоемъ разсказѣ: съ тобой случилась самая обыкновенная на охотѣ вещь: вѣдь ты стрѣлялъ въ тура въ то время, когда онъ заднею правую ногой чесалъ себя за правымъ ухомъ, и, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что пуля пробила въ одно и то же время ногу, ухо и рогъ. За то же, что ты вздумалъ тягаться со мной умомъ, голова твоя слетитъ съ плечъ долой. Становись пока въ сторону, пусть начинается разсказывать другой!“

Средній братъ, дрожа отъ страха, сбиваясь на каждомъ словѣ, началъ свой разсказъ:

— „Я... я... ханъ... поѣхалъ я разъ, ханъ, въ лѣсъ... дрова рубить поѣхалъ я, ханъ, въ лѣсъ... взялъ топоръ да какъ взмахну имъ, такъ сразу одну тысячу деревьевъ и срубилъ... Съ одного взмаха срубилъ... цѣлую тысячу деревьевъ...“

Засмѣялся опять ханъ.

— „Глупый ты человѣкъ“, сказалъ онъ, „ну, посуди самъ, что же есть невѣроятнаго въ твоемъ разсказѣ? Вѣдь, если сложить вмѣстѣ тысячу тонкихъ прутьевъ, то не надо



большихъ усилій, чтобы однимъ взмахомъ топора перерубить ихъ. Становись и ты вмѣстѣ съ братомъ своимъ: и твоя голова слетитъ съ плечъ. Ну, рассказывай ты, послѣдній!“

— „Слушай, ханъ“ ,началъ свой рассказъ младшій братъ. „Въ одинъ день родила меня мать на свѣтъ, въ тотъ же день пропали у отца моего лошади. Въ этотъ же день сѣлъ я на лошадь и отправился разыскивать лошадей. Замѣтъ, ханъ, все это случилось очень рано утромъ, поздно послѣ обѣда, какъ разъ въ обѣденное время того дня, когда меня мать родила. Ъздилъ я, ханъ, ѣздилъ, подѣзжаю къ рѣкѣ, а ужъ настало время дѣлать намазъ \*). Слѣзъ я съ лошади и сталъ искать, за что бы ее привязать. На берегу рѣки росла только одна трава, и привязать лошадь было не за что. Вдругъ я увидѣлъ,—торчитъ изъ травы палка; началъ-было къ ней привязывать лошадь, вижу палка шевелится; присмотрѣлся я поближе къ ней, оказывается эта палка ногой какой-то птицы. Потянулъ ее изъ травы и вытянулъ журавля. Не долго думая, отрубилъ я ему шашкой голову. Потомъ подошелъ къ рѣкѣ, началъ мыть руки. Вдругъ чувствую, кто-то въ водѣ схватилъ меня за руку. Потянулъ я руку изъ воды и вытащилъ на берегъ большую рыбу. Хороша,—думаю, добыча! Зарѣзалъ я шашкой и рыбу. Началъ я затѣмъ смывать кровь съ шашки и уронилъ ее въ воду. „Вотъ бѣда-то какая случилась съ сомною! думаю я,—какъ же это мнѣ быть безъ шашки?“ Но я сейчасъ же придумалъ, какъ горю своему пособить: взялъ пучокъ соломы, зажегъ его, а потомъ поджегъ и воду. Выгорѣла вся вода въ рѣкѣ, на днѣ ея остались одни только камни да песокъ. Принялся я искать свою шашку; вижу,—лежитъ только одна роговая рукоятка шашки, а стальной клинокъ ея сгорѣлъ вмѣстѣ съ водой. Погоревалъ я, погоревалъ, да, дѣлать не-

\*) Намазъ—молитва у магометанъ.

чего, воткнулъ въ ножны рукоятку и сталъ собираться въ дорогу. Положилъ я журавля на одну сторону лошади, а рыбу на другую и очень рано утромъ, поздно послѣ обѣда, какъ разъ въ обѣденное время того дня, когда я появился на свѣтъ, отправился въ поиски за пропавшими отцовскими лошадьми. Приѣзжаю въ большой лѣсъ; вижу,—на полянѣ пасутся четыре дикихъ козла, а у каждого изъ нихъ было по одной деревянной ногѣ. „Вотъ, думаю, какіе диковинные козлы! Какъ бы это ихъ поймать?“ Спрыгнувъ съ лошади, вытащилъ изъ ноженъ рукоятку пашки да какъ кину ею въ козловъ, такъ имъ всѣ ноги и перебилъ. Взвалилъ я пару козловъ на одну сторону лошади, а пару на другую и очень рано утромъ, поздно послѣ обѣда, какъ разъ въ обѣденное время того дня, когда меня мать родила, отправился въ путь дальше, при чемъ конечно, не забылъ сѣсть на лошадь. Ёду по лѣсной дорогѣ, вижу,—посрединѣ ея много пчелъ дикихъ сидитъ. „Хорошая, думаю, находка! мясо у меня есть, Богъ послалъ и меду“. Спрыгнувъ съ лошади, разогналъ пчелъ и увидѣлъ на землѣ много, много меду. Только одна обѣда: не во что было набрать его. Но сейчасъ же я сообразилъ, что стоитъ мнѣ содрать шкуру съ четырехъ ногъ лошади,—вотъ и готовы четыре бурдюка. Живо ободралъ я ноги, сдѣлалъ изъ шкуры четыре бурдюка и наполнилъ ихъ медомъ. Но чѣмъ же завязать бурдюки, чтобы изъ нихъ медъ не вытекъ? „Э, думаю я, да вѣдь если содрать съ лошади шкуру, то изъ нея можно нарѣзать ремней, которыми я и завяжу бурдюки“. Содралъ я шкуру съ лошади, нарѣзалъ изъ нея ремней, завязалъ бурдюки, взвалилъ ихъ на лошадь, самъ сѣлъ на нее и очень рано утромъ, поздно послѣ обѣда, какъ разъ въ обѣденное время того дня, когда меня мать родила, поѣхалъ домой. Ёду по дорогѣ,—вдругъ лошадь моя упала. „Что такое случилось съ моею лошадью?“ подумалъ я и оглянулся назадъ; вижу,—половины лошади какъ



не бывало. „Охъ“, думаю, „какое же несчастье случилось со мною! Гдѣ теперь искать другую половину лошади?“ Дѣлать нечего, пошелъ я назадъ по дорогѣ; иду, вижу,—лежить половина лошади. Взяли ея на плеча и принесъ къ первой половинѣ. Чѣмъ же скрѣпить обѣ эти половины, чтобы можно было доѣхать на лошади домой?

Лежало на дорогѣ дерево, вывороченное изъ земли бурей; взялъ я его, очистилъ верхушку отъ вѣтвей и воткнулъ въ задъ лошади, и тѣмъ скрѣпилъ обѣ половины ея. Сѣлъ я на лошадь, поѣхалъ дальше. Вдругъ откуда-то сверху посыпалась на меня мякина. „Что за чудеса?“ думаю я. „Откуда въ лѣсу взялась мякинѣ?“ Оглянувшись назадъ, вижу,—конецъ дерева, которымъ я скрѣпилъ обѣ половины лошади, торчитъ высоко надъ головой моей. „Не съ этого ли конца дерева посыпалась на меня мякина?“ подумалъ я. „А дай-ко полѣзу туда, посмотрю, что тамъ есть.“ Живо добрался я до конца дерева, посмотрѣлъ и ахнулъ отъ удивленія: на корняхъ дерева осталась земля, а на этой землѣ были расположены девять токовъ, а на каждомъ току по девяти быковъ обтаптывали ячмень. „Э, такъ вотъ откуда сыпалась на меня мякина!“ подумалъ я. „А я и не замѣтилъ, когда бралъ дерево съ дороги, что на немъ есть тока и быки. Ну, что же? Для меня же лучше: привезу домой и быковъ и ячмень“.

Слѣзъ я съ дерева, усѣлся на лошадь и очень рано утромъ, поздно послѣ обѣда, какъ разъ въ обѣденное время того дня, когда меня мать родила, отправился домой. Приѣзжаю; слышу,—въ саклѣ шумъ нѣсколькихъ голосовъ; значитъ, въ домѣ у насъ есть много гостей; надо поспѣшить приготовить для нихъ закуску,—благо есть изъ чего приготовить ее. Снялъ я съ лошади козловъ, освѣжевалъ ихъ; положилъ мясо въ котель, налилъ воды. Къ несчастью, не замѣтилъ, что въ котлѣ была дыра, и въ нее провалилось все мясо—а вода, къ моему удивленію, осталась въ котлѣ. „Ну, ниче-

го“, думаю, „бѣда не велика: мяса у меня вдоволь, и закуску для гостей дорогихъ приготовить какъ нибудь сумѣемъ“. Хотѣлъ разложить огонь подъ котломъ; кинулся за дровами, а ихъ нѣтъ ни одного полѣна. Что тутъ дѣлать? Взялъ я нѣсколько ишаковъ и отправился въ лѣсъ за дровами.

Прихожу въ лѣсъ и принимаюсь рубить деревья; нарубилъ, сколько было мнѣ нужно; хотѣлъ наваливать ихъ на ишаковъ,—глядь, а ишаковъ и слѣдъ простылъ. Надо посмотрѣть, куда это они запропастились. Воткнулъ я въ землю шашку остриемъ вверхъ, взлѣзъ на ея кончикъ осмотрѣлся кругомъ. Вижу,—стоятъ мои ишаки на Эльбрусѣ, ледъ лижутъ. Спрыгнулъ я съ шашки и побѣжалъ на Эльбрусъ. Прибѣгаю. „А!“ говорю ишакамъ, „вы пить хотите? Пойдите же я васъ напою“. Не долго думая, сорвалъ съ плечъ свою голову да какъ хвачу ею объ ледъ, вода изъ-подъ него такъ и потекла. Напились вдоволь мои ишаки; вернулся я съ ними въ лѣсъ, навалилъ на нихъ дрова и отправился домой. Былъ очень знойный день, и мухъ неисчислимое количество кружилось въ воздухѣ, а съ холоду густой туманъ окутывалъ весь лѣсъ. Трава въ лѣсу была вышиною по поясъ, а снѣгъ по колѣна. Ишаки мои отъ сильнаго зноя прятались въ холодокъ, а ноги у нихъ обмерзли во льду.

Приѣзжаю домой, снялъ дрова съ ишаковъ и хотѣлъ было войти въ саклю, чтобы поздороваться съ гостями, и тутъ только припомнилъ, что вѣдь головы-то у меня на плечахъ нѣтъ,—я позабылъ ее на Эльбрусѣ. Побѣжалъ я на Эльбрусъ, нашелъ свою голову, приставилъ ее къ плечамъ, вернулся домой, вошелъ въ саклю и поздоровался съ гостями. Все это случилось очень рано утромъ, поздно послѣ обѣда, какъ разъ въ обѣденное время того дня, когда меня мать родила. „Не хорошо“, думаю, „гостямъ сидѣть безъ кушанья. Пока сварится мясо, дай-ко я угощу ихъ медомъ“. Кинулся я къ бурдюкамъ, хотѣлъ снять ихъ съ лошади, да не



тутъ-то было: ростомъ я малъ, бурдюковъ никакъ достать не могу руками да и тяжелы они. Что же тутъ дѣлать, какъ ихъ снять съ лошади? Думалъ, думалъ я и придумалъ: одинъ конецъ веревки привязать къ бурдюкамъ, а другой ея конецъ перекинуть черезъ саклю и тянуть его, а чтобы не втянуть бурдюки на саклю,—поджечь ее. Какъ я придумалъ, такъ и сдѣлалъ: привязавъ одинъ конецъ веревки къ бурдюкамъ, другой конецъ перекинулъ черезъ саклю, затѣмъ поджегъ саклю и принялся изо всѣхъ силъ тянуть за веревку. По моему и вышло: хотъ сакля и сгорѣла, но бурдюки я стащилъ таки съ лошади!..

Вотъ, ханъ, мой разсказъ! Но только ты, пожалуйста, не подумай, что я кончилъ разсказывать. Это я разсказалъ только за своихъ братьевъ, а если начну разсказывать за самого себя, то у тебя отъ моего разсказа, пожалуй, и животъ заболитъ \*). Но если ты, ханъ, желаешь послушать, то я охотно разскажу и за себя!“

Ханъ съ мѣста вскочилъ и руками замахалъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ,“ проговорилъ онъ, „не нужно мнѣ больше твоихъ разсказовъ: у меня и отъ этого голова закружилась, а если ты начнешь разсказывать еще и за самого себя, то я могу и ума лишиться! Теперь оказывается, что я напрасно думалъ о себѣ, что умнѣе меня нѣтъ человѣка на свѣтѣ... Ты достоинъ быть мужемъ моей дочери“.

Ханъ отдалъ свою дочь за младшаго брата замужъ и богато наградилъ его деньгами и скотомъ, старшихъ же братьевъ отпустилъ домой безъ наказанія.

---

\*) Т. е. ханъ такъ заслушается разсказа, что забудетъ объ ѣдѣ, отъ чего у него животъ подведетъ.

#### 4. Эмегенъ и охотникъ \*).

Одинъ охотникъ пошелъ въ лѣсъ на охоту и убилъ лань. Наступалъ вечеръ, и онъ рѣшилъ заночевать въ лѣсу. Сосдиралъ онъ шкуру съ лани, повѣсилъ ее на деревѣ, вырѣзалъ лучший кусокъ мяса и принялся жарить шашлыкъ. Когда шашлыкъ былъ готовъ, охотникъ приготовился его ѣсть и проговорилъ: „Бисмиллахъ“. Вдругъ убитая лань поднялась на ноги, шашлыкъ сорвался съ вертела, опять превратился въ сырое мясо, которое приросло къ тому мѣсту, откуда оно было вырѣзано; шкура сорвалась съ дерева и покрыла тѣло лани. Охотникъ сильно изумился: въ жизни своей онъ никогда не видѣлъ, чтобы убитое и освѣжеванное животное могло ожить и начать бѣгать. Пока онъ размышлялъ о случившемся, лань, обратившись къ нему, проговорила человѣчьимъ голосомъ:

— „Ты не удивляйся тому, что видѣлъ сейчасъ! Разыщи ты Сокура-Али \*\*), и онъ расскажетъ тебѣ еще болѣе удивительное“.

И затѣмъ лань сдѣлала прыжокъ и исчезла въ лѣсной чащѣ. Съ этого вечера принялся охотникъ за разыскиваніе Сокура-Али и никакъ не могъ найти его. Цѣлыхъ три мѣсяца онъ провелъ въ этихъ розыскахъ. Однажды ѣдетъ онъ степью и видитъ, — табунщикъ пасетъ лошадей; подѣхалъ къ нему охотникъ и спросилъ, чей табунъ пасетъ онъ.

— „Сокура Али“, — отвѣчалъ табунщикъ.

Охотникъ обрадовался и подумалъ: „Наконецъ то я узнаю, гдѣ живетъ Сокуръ Али“. И охотникъ спросилъ объ этомъ табунщика.

---

\*) Записана въ Нальчикскомъ округѣ.

\*\*) „Сокуръ-Али“ — Косой Али.



— „Прежде, чѣмъ отвѣтить тебѣ, гдѣ живетъ Сокуръ Али, прошу тебя, заѣзжай на нашъ кошъ, будь нашимъ гостемъ!“ сказалъ табунщикъ.

Охотникъ согласился и поѣхалъ на кошъ. На кошѣ было много работниковъ, которымъ табунщикъ приказалъ зарѣзать, какъ можно больше, самыхъ лучшихъ лошадей. Работники зарѣзали двѣсти головъ.

Охотникъ удивился и спросилъ табунщика:

— „Зачѣмъ такъ много зарѣзали лошадей?“

— „А вотъ зачѣмъ“, отвѣтилъ табунщикъ, „мы принимаемъ гостей у себя очень рѣдко,—разъ въ нѣсколько лѣтъ, и бываемъ очень рады, когда насъ посѣтитъ гость. Сокуръ Али приказалъ намъ ничего не жалѣть для гостя. Въ другое же время онъ строго запретилъ намъ рѣзать для себя даже и плохихъ лошадей, и мы прирѣзываемъ только больныхъ“.

Переночевалъ охотникъ на кошѣ, поблагодарилъ табунщика за гостепріимство, собрался въ путь и снова просить его указать ему дорогу къ жилищу Сокура Али.

— „Поѣзжай прямо!“ сказалъ табунщикъ, „и увидишь пастуха, который пасетъ стадо быковъ и коровъ; онъ тебѣ и укажетъ дорогу къ Сокуру Али“.

Поѣхалъ охотникъ дальше и, дѣйствительно, встрѣтилъ пастуха, пасущаго громадное стадо рогатаго скота. Началъ онъ разспрашивать его, какъ проѣхать къ Сокуру Али. Пастухъ пообѣщалъ указать ему дорогу, но сначала пригласилъ его въ гости къ себѣ на кошъ. Пріѣхалъ охотникъ съ пастухомъ на кошъ; здѣсь для его угощенія зарѣзали триста быковъ и коровъ. Охотникъ спросилъ пастуха, зачѣмъ такъ много зарѣзали скота, и получилъ такой же отвѣтъ, какой раньше слышалъ отъ табунщика.

На утро, собравшись въ путь, онъ попросилъ пастуха указать ему дорогу къ Сокуру Али. Пастухъ посоветовалъ



охотнику ѣхать дальше, говоря, что онъ встрѣтитъ баранщика (пастуха баранты), который и укажетъ ему дорогу къ Сокуру Али. Поѣхалъ охотникъ дальше и встрѣтилъ баранщика. Последній пригласилъ его въ гости на свой кошъ и утромъ обѣщалъ указать ему дорогу. Здѣсь для угощенія охотника зарѣзано было столько барановъ, что онъ имъ и счетъ потерялъ. На вопросъ же, зачѣмъ такъ много зарѣзали барановъ, онъ получилъ тотъ же отвѣтъ, который слышалъ раньше на другихъ кошахъ. На утро собрался охотникъ въ путь и просить пастуха указать дорогу къ Сокуру Али. Пастухъ-баранщикъ посовѣтовалъ ему ѣхать дальше по дорогѣ, обѣщая, что онъ встрѣтитъ пастуха, пасущаго козъ, который, наконецъ, и укажетъ дорогу къ жилищу Сокура Али.

Ѣдетъ охотникъ по дорогѣ, встрѣчаетъ пастуха, пасущаго громадное стадо козъ, и спрашиваетъ его о дорогѣ къ Сокуру Али. Пастухъ пригласилъ его въ гости къ себѣ на кошъ и такъ же, какъ и другіе пастухи, для угощенія зарѣзалъ очень много козъ. Утромъ пастухъ, прощаясь съ охотникомъ, указалъ ему десять дорогъ и сказалъ:

— „Вотъ передъ тобой пролегаютъ десять дорогъ. По девяти изъ нихъ ѣздятъ девять сыновей Сокура Али, а по десятой—онъ самъ. Каждую недѣлю онъ ѣздитъ со своими сыновьями ко мнѣ и товарищамъ моимъ провѣдывать стада моихъ козъ, барановъ и рогатаго скота и табуны лошадей. Но ужъ давно онъ не бывалъ у насъ; должно быть заболѣлъ или большое несчастье случилось въ его семействѣ. Поѣзжай ты по десятой дорогѣ и пріѣдешь къ башнѣ Сокура Али“.

Отправился охотникъ по указанной дорогѣ и скоро, дѣйствительно, увидѣлъ громадную башню. Подъѣхалъ онъ къ ней и крикнулъ нѣсколько разъ, вызывая къ себѣ Сокура Али. На его зовъ изъ башни показалась чудной красоты молодая дѣвушка; охотникъ попросилъ ее вызвать къ нему Сокура Али. Дѣвушка вошла въ башню и затѣмъ сейчасъ же



вернулась обратно. Она объяснила охотнику, что ея отецъ лежитъ въ постели больной и просить охотника пожаловать въ башню. Слѣзъ охотникъ съ лошади, вошелъ въ башню и увидѣлъ лежащаго на постели больного человѣка. Поздоровавшись съ нимъ, охотникъ спросилъ, не онъ ли Сокуръ Али. Получивъ утвердительный отвѣтъ, охотникъ рассказалъ ему, зачѣмъ онъ пріѣхалъ къ нему.

— „Знаю я эту лань“, сказалъ Сокуръ Али, „про нее расскажу я тебѣ послѣ, а теперь ты выслушай слѣдующее. У меня было девять сыновей, съ которыми я каждую недѣлю ѣздилъ провѣдывать своихъ козъ, барановъ, рогатый скотъ и лошадей, которыхъ ты по дорогѣ ко мнѣ, конечно, видѣлъ. Однажды сыновья мои упросили меня, поѣхать вмѣстѣ съ ними на охоту. Подѣхали мы къ лѣсу, видимъ, — эмегенъ пастетъ стадо козъ. Увидѣлъ онъ насъ и закричалъ:

— „А, здравствуй, Сокуръ Али! Куда это собрался ты съ сыновьями?“

— „На охоту“, отвѣчалъ я, „не знаешь ли, гдѣ больше звѣрей“.

— „Какъ мнѣ не знать?!“ засмѣялся эмегенъ, „вѣдь я живу къ лѣсу и всѣ деревья въ немъ у меня на перечетъ. Я укажу тебѣ такое мѣсто, гдѣ ты убьешь очень много звѣрей. Но прежде прошу тебя и сыновей твоихъ быть моими гостями. Я живу одиноко и бываю очень радъ, когда меня посѣщаютъ гости“.

Въ первое время я хотѣлъ-было съ сыновьями ускакать отъ эмегена, но, видя, что онъ близко подошелъ къ намъ, такъ что убѣжать отъ него не было никакой возможности, согласился посѣтить жилище его. Погналъ онъ впередъ своихъ козъ, а мы слѣдомъ поѣхали за нимъ. Пригналъ онъ свое стадо къ пещерѣ, входъ въ которую былъ заваленъ громадною скалой. Толкнулъ эмегенъ ногою скалу, и она отвалилась отъ входа, какъ самый маленькій камень. Загналъ онъ



къ пещеру козъ и попросилъ насъ войти въ нее вмѣстѣ съ лошадьми. Зарѣзалъ эмегенъ большого козла, зажарилъ на огнѣ, и одну половину его отдалъ намъ, а другую взялъ себѣ. Мы, десять человѣкъ, не могли съѣсть своей части, онъ же сожралъ свою и потомъ доѣлъ и остатки нашей. Поблагодарили мы эмегена за гостепріимство и собрались-было въ путь, но онъ упросилъ насъ остаться ночевать у него. Завалилъ онъ входъ въ пещеру скалой и легъ спать.

Утромъ онъ опять угостилъ насъ мясомъ козла, большую часть котораго самъ сожралъ, выгналъ изъ пещеры козъ, а намъ сказалъ, чтобы мы подождали его до вечера. Завалилъ онъ входъ скалой и ушелъ за своимъ стадомъ.

Поняли мы тутъ, что недоброе замыслилъ эмегенъ сдѣлать съ нами. Сговорились мы бѣжать изъ пещеры, но сколько ни напрягали свои силы, не могли отвалить отъ входа скалы, и цѣлый день просидѣли въ пещерѣ. Вечеромъ возвратился эмегенъ со своимъ стадомъ домой, отвалилъ скалу, загналъ козъ въ пещеру, внесъ громадный дубъ, изломалъ его ногами и развелъ огонь.

— „Ну, Сокуръ Али“, сказалъ онъ мнѣ, „угощай я тебя,—теперь угощай ты меня! Таковъ у насъ, эмегеновъ, обычай“.

— „Чѣмъ же я буду тебя угощать?“ спросилъ я. „Видишь, у меня нѣтъ ни козъ, ни барановъ“.

Засмѣялся въ отвѣтъ эмегенъ.

— „Нѣтъ ни козъ, ни барановъ,—это вѣрно; но зато у тебя есть десять лошадей и девять сыновей. Что хочешь, то и отдай мнѣ: или сына, или лошадь; а не отдашь добровольно, такъ я и самъ, не спрашиваясь тебя, возьму“.

Отдалъ я эмегену лошадь; зарѣзалъ онъ ее, зажарилъ, сожралъ всю и легъ спать. На утро онъ съѣлъ другую лошадь. И такъ онъ за короткое время пожралъ десять лоша-



дей, а затѣмъ всѣхъ моихъ сыновей. Дошла очередь и до меня.

Однажды, когда жрать эмегену нечего было, а рѣзать своихъ козловъ онъ не хотѣлъ, онъ сказалъ мнѣ:

— „Жирный ты человѣкъ, Сокуръ Али, а я ничего такъ не люблю, какъ горячее человѣчье сало“.

И съ этими словами схватилъ онъ меня, разложилъ на вертелѣ о трехъ развилкахъ и принялся жарить на огнѣ. Сколько я ни кричалъ, сколько ни умолялъ эмегена убить поскорѣе меня, а не мучить,—онъ только хохоталъ въ отвѣтъ и, собравъ въ большую чашку сало, вытекшее изъ моего тѣла, снялъ меня съ вертела.

— „Отдохни, Сокуръ Али, до утра“, сказалъ онъ, выпилъ мое сало и сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Я хорошо зналъ, что утромъ эмегенъ убьетъ меня и сожретъ; поэтому я рѣшился во что бы то ни стало уйти изъ пещеры. Дождался я полночи, когда эмегенъ сильно разоспался, съ большимъ трудомъ поднялся на ноги, взялъ вертелъ и раскалилъ на огнѣ до красна. Затѣмъ тихо подошелъ я къ спящему эмегену и воткнулъ вертелъ ему въ глазъ. Зашипѣлъ раскаленный вертелъ у него въ глазу. Вскопчилъ эмегенъ на ноги, приложилъ ладони къ обожженному глазу и принялся страшно кричать отъ боли. Отъ этого крика земля тряслась, козы заматались изъ стороны въ сторону, а я забился въ дальній уголъ пещеры и стоялъ ни живъ, ни мертвъ, ожидая, что эмегенъ разыщетъ меня и растерзаетъ на клочья.

— „Ну, хорошо же!“ сказалъ, переставъ на минуту кричать, эмегенъ, „ты, Сокуръ Али, отъ меня не уйдешь. Пока будетъ живъ мой сары-башъ-эркечъ\*), я не умру отъ голода: онъ будетъ пасти мое стадо, а по вечерамъ приводить его

---

\*) Сары-башъ-эркечъ значитъ желтоголовый козель; такъ называлъ эмегенъ козла-вожака стада.

домой. Съ тобой же, Сокуръ Али, я сначала въ волю на-играюсь, а затѣмъ съѣмъ“.

Я стоялъ на своемъ мѣстѣ и не подавалъ голоса. Цѣлую ночь простоналъ эмегенъ, не переставая ругать меня. Но вотъ козы начали кашлять,—приближалось, значитъ, утро. Поймалъ я козла-вожака, зарѣзалъ его, содралъ съ него шкуру такъ, что вмѣстѣ съ нею осталась голова и ноги. Затѣмъ надѣлъ на себя шкуру и сталъ на четвереньки. Проснулся эмегенъ отвалилъ отъ входа скалу и поджидаетъ козла-вожака. Я подползъ къ нему: ощутивъ мою спину, онъ выпустилъ меня изъ пещеры, въ полной увѣренности, что выпустилъ козла-вожака. Выйдя изъ пещеры, я бросилъ шкурой въ эмегена и сказалъ:

— „Эй ты, эмегенъ! вотъ шкура твоего козла, а мясо его лежитъ въ пещерѣ. Ъшь его на здоровье!“.

— „О, какой ты счастливый человѣкъ!“ сказалъ эмегенъ. „Иди себѣ домой, а за то, что я съѣлъ твоихъ сыновей и лошадей, возьми въ подарокъ отъ меня вотъ это кольцо: оно принесетъ тебѣ счастье“.

И съ этими словами онъ снялъ съ своего пальца кольцо и бросилъ его изъ пещеры.

Поднялъ я кольцо и только надѣлъ на палецъ, какъ оно начало издавать громкіе звуки.

— „Ага!“ закричалъ, обрадовавшись, эмегенъ, „теперь ты не уйдешь отъ меня“.

И по звуку кольца онъ кинулся за мной. Пробовалъ-было я снять съ пальца кольцо, но оно не снималось, а только плотнѣе охватывало палецъ. Тогда положилъ я палецъ на камень, а другимъ камнемъ отбилъ его прочь вмѣстѣ съ кольцомъ, которое и послѣ того не переставало издавать звуки. Добѣжалъ эмегенъ до него и, вмѣсто меня, схватилъ одинъ палецъ. Я же убѣжалъ домой, и вотъ съ тѣхъ поръ лежу въ постели и ожидаю смерти“.



Выслушалъ охотникъ разсказъ Сокура Али и сказалъ:  
— „Я разыщу этого эмегена и отомщу ему и за тебя и за твоихъ сыновей. Надѣюсь, что силъ, чтобы справиться съ нимъ, у меня хватитъ“.

Какъ его ни уговаривалъ Сокуръ Али отказаться отъ попытки бороться съ эмегеномъ, охотникъ стоялъ на своемъ. Пошелъ онъ въ лѣсъ и на опушкѣ его увидѣлъ эмегена, пасущаго козъ. Глазъ у него сталъ заживать и, онъ начиналъ по-немногу видѣть. Увидалъ онъ охотника и весело вскричалъ.

— „А, охотникъ, здравствуй! Куда идешь?“

— „Иду на охоту“, отвѣчалъ охотникъ, „не знаешь ли, гдѣ больше звѣрей?“

— „Какъ не знать?! знаю. Заходи ко мнѣ въ гости, а утромъ вмѣстѣ пойдемъ на охоту“.

— „Хорошо“ согласился охотникъ и пошелъ съ эмегеномъ къ пещерѣ.

Зарѣзалъ эмегенъ козла, зажарилъ и половину его отдалъ охотнику, а половину взялъ себѣ. Къ удивленію эмегена, охотникъ свою часть съѣлъ всю и кусочка не оставилъ. Покрутилъ эмегенъ головой и ничего не сказалъ. Гость и хозяинъ легли спать, а утромъ опять съѣли козла. Уходя пасти свое стадо, эмегенъ упросилъ охотника остаться на день въ пещерѣ, и завалилъ входъ въ пещеру скалой. Ушелъ эмегенъ, а охотникъ подошелъ къ скалѣ и безъ особаго труда отвалилъ ее отъ входа и вышелъ изъ пещеры. Вечеромъ, увидѣвъ возвращающагося домой эмегена, онъ вошелъ въ пещеру заваливъ за собою входъ скалою. Пришелъ эмегенъ съ огромнымъ дубомъ, изломалъ его ногами, развелъ огонь и говорить:

— „Ну, охотникъ, я тебя угощалъ,—угощай теперь ты меня!“

— „Хорошо“, согласился охотникъ, „неси воды, а тѣмъ временемъ я приготовлю тебѣ угощеніе“.

Взялъ эмегенъ большой котель и пошелъ по воду, а охотникъ, выбравъ самого жирнаго козла, зарѣзалъ его. Возвратился съ водой эмегенъ, увидѣлъ своего козла зарѣзаннымъ и принялся ругать охотника; охотникъ же, въ свою очередь, принялся ругать эмегена. Началась у нихъ ссора, которая затѣмъ перешла въ драку. Схватились они бороться.

— „Кидай меня!“ сказалъ эмегенъ.

— „Нѣтъ ты кидай меня!“ отвѣтилъ охотникъ.

Эмегенъ, какъ ни напрягалъ свои силы, не могъ сдвинуть его съ мѣста. За то охотникъ сразу повалилъ эмегена на землю, выволокъ его изъ пещеры и всадилъ по самую шею въ землю. Вытащилъ онъ кинжалъ и хотѣлъ отрубить ему голову.

— „Постой, не убивай меня!“ взмолился къ нему эмегенъ. „Я знаю, что ты мстишь мнѣ за Сокура Али и его сыновей; но я могу возвратить ихъ отцу. Только не убивай меня!“

— „Какъ же ты ихъ возвратишь, когда ты сожралъ? ихъ!“ возразилъ охотникъ.

Эмегенъ отвѣтилъ:

— „Когда я ихъ ѣлъ, то не разрывалъ на части, а глоталъ цѣликомъ. Они лежатъ въ моемъ желудкѣ цѣлы и невредимы. Вотъ смотри!“

И съ этими словами эмегенъ принялся сильно рыгать. Изъ рта его одинъ за другимъ выскочили всѣ девять сыновей Сокура Али. Они потягивались и протирали глаза.

— „Какъ мы сладко спали!“ проговорили они.

— „Вы вѣчно спали бы, если бы не я“, сказалъ охотникъ и рассказалъ имъ, какъ они попали въ утробу эмегена.

— „Теперь“, сказалъ эмегенъ охотнику, „подставь къ моему рту большую чашку,—я изрыгну жиръ Сокура Али. А для того, чтобы Сокуръ Али выздоровѣлъ, растопи жиръ и смажь имъ всѣ обожженные мѣста его тѣла“.



Охотникъ подставилъ ко рту эмегена чашу, въ которую тотъ и изрыгнулъ жиръ Сокура Али.

— „Ну, теперь говори, гдѣ у тебя спрятано золото!“ спросилъ охотникъ.

— „Подъ постилкой изъ сѣна, на которой я спалъ“, отвѣтилъ эмегенъ.

Зная изъ разказа Сокура Али, что словамъ эмегена нельзя довѣряться охотникъ взялъ длинную палку и началъ осторожно разгребать сѣно подстилки. Вдругъ изъ подъ сѣна взвился мечъ и перерубилъ палку.

— „А! такъ ты вздумалъ еще обманывать меня!“ вскричалъ охотникъ, замахиваясь на эмегена кинжаломъ.

— „Постой!“ остановилъ его эмегенъ. „Я знаю, что мнѣ теперь не быть живому. Такъ возьми мой мечъ и имъ отруби мнѣ голову,—вреда онъ тебѣ не причинитъ, потому что уже потерялъ свою прежнюю силу. Кинжаломъ же своимъ ты меня не убьешь“.

Схватилъ охотникъ мечъ и отрубилъ имъ голову эмегену. Затѣмъ, вмѣстѣ съ девятью сыновьями Сокура Али, онъ нашелъ въ пещерѣ закопаннымъ въ землѣ много золота, оружія и возвратился въ башню Сокура Али. Больной отецъ несказанно обрадовался, увидѣвъ своихъ сыновей цѣлыми и невредимыми, но не могъ приподняться съ постели, чтобы обнять ихъ. Тогда охотникъ растопилъ жиръ и смазалъ имъ обожженное тѣло Сокура Али, и тотъ выздоровѣлъ.

— „Я не знаю, какъ тебя благодарить за все, что ты сдѣлалъ для меня“, сказалъ Сокуръ Али охотнику. „Вотъ у меня девять сыновей, будь ты десятымъ. У меня много баранты, козъ, крупнаго рогатаго скота и лошадей,—возьми себѣ половину ихъ. Есть у меня единственная дочь,—возьми ее себѣ въ жены. Теперь же слушай, что я тебѣ скажу. Послѣ того, какъ я убѣждалъ отъ эмегена, ночью, во время сна, я слышалъ голосъ, который сказалъ мнѣ, что возвратитъ мнѣ сы-

новой и вылѣчить меня только тотъ, кто побѣдитъ эмегена. Побѣдить же его, кромѣ одного охотника, никто не можетъ. „А чтобы этотъ охотникъ прибылъ въ твой домъ“, говорилъ мнѣ этотъ голосъ, „пусть твоя дочь по моему слову, обратится въ лань, и охотникъ убьетъ ее“. Кто это мнѣ говорилъ, я не знаю. Остальное же все тебѣ самому хорошо извѣстно“.

Взялъ охотникъ себѣ въ жены дочь Сокура Али и остался жить съ нею въ башнѣ.